

Министерство культуры Республики Крым
Крымский этнографический музей
Кафедра древнего мира и средних веков
Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
КФУ им. В. И. Вернадского

**IV Международная
научно-практическая конференция,
посвященная 25-летию
Крымского этнографического музея**

**ЭТНОГРАФИЯ КРЫМА XIX — XXI ВВ.
И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

28-30 сентября 2017 года

Тезисы докладов

Симферополь
2017

УДК 39
ББК 63.529
Э91

К 25-летию Крымского этнографического музея

*Издание печатается при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Крым
в рамках программы «Развитие культуры, архивного дела
и сохранения объектов культурного наследия Республики Крым»
на 2017-2020 гг.*

Абдураманова С. Н.
(Бахчисарай)

Оргкомитет конференции:

Лаптев Ю. Н. — председатель, директор Крымского этнографического музея
Герцен А. Г. — к. и. н., декан исторического факультета Таврической академии
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Айбабин А. И. — д. и. н., директор Научно-исследовательского центра истории и
археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Науменко В. Е. — к. и. н. доцент кафедры древнего мира и средних веков Таври-
ческой академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Прохоров Д. А. — к. и. н., с. н. с. отдела новой истории Крыма Научно-исследо-
вательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального уни-
верситета им. В. И. Вернадского
Науменко Л. А. — заместитель директора Крымского этнографического музея

Научный редактор — Науменко В. Е.

Э91 **Этнография Крыма XIX — XXI вв. и современные этнокуль-
турные процессы** : тезисы IV Международной научно-практиче-
ской конференции, г. Симферополь, 28-30 сентября 2017 г. / Отв.
ред. Лаптев Ю. Н., Науменко Л. А. — Симферополь : ООО «Анти-
ква», 2017. — 112 с.

ISBN 978-5-9909796-5-9

IV Международная научно-практическая конференция «Этногра-
фия Крыма XIX — XXI вв. и современные этнокультурные процессы»
состоялась в г. Симферополе 28-30 сентября 2017 г. и была посвящена
25-летию Крымского этнографического музея.

Сборник посвящен проблемам этногенеза, этнической истории и
традиционной культуры этнических общностей Крыма, современным
этнокультурным процессам, проблемам музееведения и формирования
коллекций.

В сборнике публикуются тезисы к докладам участников IV Меж-
дународной научно-практической конференции.

УДК 39
ББК 63.529

ISBN 978-5-9909796-5-9

© ГБУРК «КЭМ», 2017
© Авторы, текст, 2017
© Оформление. ООО «Антиква», 2017

**Крымскотатарское полотенце *кьыбрыз*:
по материалам коллекции
Бахчисарайского дворца-музея**

Народное искусство крымских татар привлекло внимание иссле-
дователей еще в конце XIX в. Тогда же предметы традиционного
крымскотатарского ткачества стали объектом специального изучения
и коллекционирования. Многие из них пополнили фонды музеев Сим-
ферополя, Ялты, Москвы и Санкт-Петербурга. Не стал исключением
и Бахчисарайский дворец-музей, коллекция декоративных крымско-
татарских полотенец (*кьыбрыз*) которого является темой данного ис-
следования.

Кьыбрыз — декоративные полотенца, выполненные в технике
закладного ткачества *атма кьыбрыз* (ковровой техники, наиболее
распространенной в горной и прибрежной частях Крымского полуо-
строва). По мнению У. А. Боданинского, свое название они получи-
ли от турецкого наименования острова Кипр (*Kıbrız*), откуда в Крым
привозились краски для окрашивания пряжи.

Бахчисарайская коллекция декоративных полотенец *кьыбрыз* со-
держит лишь самую общую атрибуцию в имеющейся фондовой до-
кументации, зачастую отсутствует точная информация о времени и
месте изготовления изделий, а также источнике их поступления в со-
брание музея.

Кьыбрыз имеет четкую композиционную структуру, состоит из
гладкого центрального полотна (простое полотняное переплетение)
и узорных цветных концов. Рисунок располагали вертикальной, гори-
зонтальной и диагональной линиями. Яркий геометрический рисунок
получался двусторонним и декоративным за счет особенностей тех-
ники. Цветные нити отделялись друг от друга отверстиями *чильтер*,
нить *утка* прибивали плотно, таким образом, чтобы не было видно

основы. Орнаментальная полоса получалась достаточно плотной и износостойкой. Центральной частью полотенца выступало гладкое полотно или полоса из неокрашенной нити иного происхождения, например, из хлопка с коноплей, льном или крапивой. Полоски различались оттенками и толщиной, иногда встречались вкрапления неочищенной *костры*.

На первый взгляд, орнаментальная полоса полотенца *кыбырыз* воспринималась как имеющая исключительно геометрический характер. На самом же деле она включала растительные, зооморфные, антропоморфные, архитектурные и другие декоративные элементы, подчиняясь особенностям техники исполнения. Такая эволюция декора, от простого геометрического вплоть до условно-орнаментальных знаков, наблюдается в целом и в крымско-татарском ковроткачестве.

Орнаментальные мотивы *кыбырыз* чрезвычайно символичны, имеют множество аналогий в малоазийском (анатолийском) ткачестве. Представленная терминология крымско-татарских полотенцев разработана на основе исследований довоенной фондовой документации из собрания Бахчисарайского дворца-музея (ныне — Музей истории и культуры Крымских татар ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»), а также образцов коврового ткачества стран Причерноморья и Средиземноморья.

Абдураманова Ш. А.
(Симферополь)

О ткачестве как составной части традиционно-бытовой культуры крымских татар

Ткачество, как важнейшая часть традиционно-бытовой культуры, тесно связана с историей и образом жизни людей, их эстетическими и религиозными представлениями. Появившись еще в эпоху неолита, оно продолжает сохраняться в культуре многих народов, трансформировавшись в отдельный вид народного искусства.

В настоящем докладе делается попытка всестороннего анализа развития крымскотатарского ткачества на протяжении XIX — начала XXI вв. Важнейшими вопросами являются:

- Традиционная система организации ремесленного производства и сбыта изделий из ткани у крымских татар
- Исходные материалы животного и растительного происхождения, устройство ткацкого станка
- Основные этапы процесса ткачества: обработка сырья, прядение, окрашивание пряжи и собственно ткачество
- Традиционные тканые изделия в интерьере и одежде крымских татар (килимы, намазлык, эвджияры, марама, шербенти, юзбезы и другие)
- Семантика декоративных сюжетов и орнаментальных символов
- Творчество Зулейха Бекирова. Элементы традиционного ремесла в работах современных крымско-татарских мастеров (работы Сабрие Эюпова, Мамут Чурлу, Венеры Бекировой и других).

Алташкина О. Н.
(Бахчисарай)

Предметы утвари Ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: особенности и история комплектования

Важнейшей составляющей деятельности любого музейного учреждения является комплектование его фондов, которое обязательно предполагает не только научное описание, но и систематизацию коллекций. В настоящем докладе представлен обзор коллекции предметов утвари времени Ханского дворца, которая хранится в современном собрании Бахчисарайского дворца-музея.

Предметы утвари времени Ханского дворца в Бахчисарае являются первыми экспонатами в собрании Бахчисарайского Музея тюрко-татарской истории и культуры, созданном в 1917 г. Эта коллекция включает как часть имуществ правителей Крымского ханства, так и элементы внутреннего убранства дворцовых покоев, появившихся в Ханском дворце уже после вхождения Крыма в состав Российской империи в 1783 г. Среди последних — мебель, предметы культа и быта, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, ковры, детали одежды и прочие изделия, созданные в период XVIII-XIX вв. турецкими, крымскими, иранскими, русскими и западноевропейскими мастерами.

Информация о комплектовании данного собрания представляет не только интерес для специалистов, но и материал для более детальной атрибуции. Атрибуция как таковая является сегодня одной из проблем в практике музейного дела, что объясняется как отсутствием данных о месте и времени создания, так и довольно скудным количеством сведений источников о том или ином виде декоративно-прикладного искусства, принадлежности их конкретному историческому периоду, художественному направлению, течению и стилю.

На сегодняшний день, фонды Бахчисарайского музея-заповедника насчитывают 122 предмета утвари времени Ханского дворца. Основным источником информации для данного исследования являются документы Государственного архива Республики Крым и научного архива Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, а также инвентарные книги музея-заповедника за период 1920-1940-х гг.

Баранова Е. М.
(Симферополь)

Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея в 2009-2016 гг.

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Крымский этнографический музей» основано на правах филиала КРУ «Центральный музей Тавриды» еще в 1992 г. С сентября 2009 г. Крымский этнографический музей работает как самостоятельное юридическое лицо.

Экспозиционно-выставочная деятельность является важнейшей составной частью работы музея. Создание выставок и экспозиций в его помещениях позволяет не только познакомить посетителей с музейными собраниями, но и открыть научной и культурной общественности памятники, находящиеся сейчас в частных коллекциях.

В докладе представлены результаты сравнительного анализа экспозиционно-выставочной деятельности Крымского этнографического музея в течение двух периодов в истории Крыма — в 2009-2013 гг. когда полуостров находился еще в составе Украины, и в 2014-2016 гг., когда он был включен в состав Российской Федерации. В ходе исследования изучались характер, тематика, особенности и основные направления деятельности музея в указанные отрезки времени.

В период нахождения Крыма в составе Украины Этнографическим музеем были организованы и проведены 94 выставки на своей базе либо за его пределами. Большая часть из них носило характер декоративно-прикладных, в том числе персональные выставки крымских мастеров, фотографов и художников, а также презентации этнографических коллекций национально-культурными обществами Крымского полуострова. Небольшой процент составляли выставки по программе межмузейного обмена, среди которых необходимо отметить

выставку «Эстонский национальный костюм» в г. Тарту (Эстония) и «Южнобережные узоры» из фондов Ялтинского историко-литературного музея.

С момента включения Крыма в состав Российской Федерации в музее активизируется работа по выставочному обмену. Одним из ее главных стимулов становится государственная программа «Развитие и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым на 2015–2017 гг.», принятая Постановлением №32 Совета министров Республики Крым от 9 февраля 2015 года.

С 2014 по 2016 гг. Крымским этнографическим музеем были организованы и проведены 88 выставок. Особо следует отметить ряд крупных проектов в рамках программы межмузейного обмена, в том числе интерактивную выставку «Гимн России» Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки, выставки «Народы Крыма» из фондов Российского этнографического музея и «Кружева вологодские, ненаглядные» Музея кружева Вологодского государственного музея-заповедника, выставочный проект «Азиатская Россия» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея, выставку «Связь времен» в рамках проекта «И похожие, разные...» Мемориального комплекса жертвам репрессий Республики Ингушетии, выставочные проекты из фондов Музея истории русского платка и шали» (г. Павловский Посад, Московская обл.) и Национального музея Республики Татарстан (г. Казань). Наряду с ними музей организывает выставки из частных коллекций в рамках проекта «Мое хобби», художественные, персональные и фотовыставки, выставки новых поступлений и «Экспоната дня», выставки в рамках культурно-образовательных мероприятий.

В результате проведенного анализа становится ясным резкое расширение географии выставочной деятельности Крымского этнографического музея в российский период его истории, чему, безусловно, способствует государственная программа межмузейного обмена, действующая в Российской Федерации. В то же время проблемным остается отсутствие реальных межмузейных выставочных контактов внутри Крымского полуострова, что связано во многом с нехваткой у местных музеев необходимого оборудования и свободных площадей для создания полноценной передвижной экспозиции.

Вибе П. П.
(Омск)

Изучение истории и культуры российских немцев в Омском государственном историко-краеведческом музее

Омский государственный историко-краеведческий музей (далее — ОГИК музей) был основан в 1878 г. как музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Уже в конце XIX — начале XX вв. в нем закладываются основы современной немецкой коллекции.

В советское время эта коллекция бессистемно пополнялась единичными предметами. Лишь в 1960-70-е гг., в связи с подготовкой антирелигиозной выставки «Идеологические диверсии империализма», в музей была передана большая группа фотоматериалов и документов из следственных и судебных государственных органов.

Планомерная работа по формированию немецкой коллекции в ОГИК музее началась только в начале 1990-х гг. С ноября 1993 по май 1994 гг. П. П. Вибе и И. В. Черказьяновой были собраны сотни документов и предметов, которые и составили основу выставки «Немцы в Сибири», открытие которой состоялось 5 июня 1994 г. В августе 1995 г. при поддержке Международного союза немецкой культуры была проведена первая международная этнографическая экспедиция по сбору материалов среди немцев, живущих на территории Исилькульского, Москаленского и Азовского районов Омской области.

В последующие годы полевые историко-этнографические исследования немецких поселений Омской области и изучение архивных материалов, касавшихся истории сибирских немцев, были продолжены. Расширилась география экспедиционных сборов. К примеру, в 1999 г. экспедиция была организована в Павлодарскую область Республики Казахстан, в 2002 г. — в д. Неудачино Татарского района Новосибирской области, где до сих пор проживают отдельной общиной немцы-меннониты. В июне 2005 г. сотрудниками ОГИК музея была

обследована бывшая колония Чукреевка, основанная еще в 1902 г. меннонитами, выходцами из Таврической и Екатеринославской губерний России.

В 1994 г. на основе собранных материалов открылась выставка «Немцы в Сибири». Это было первое полноценное представление немецкой коллекции ОГИК музея.

В ноябре 1996 г. в ОГИК музее открылась этнографическая экспозиция «Азиатская Россия», рассказывающая о культуре и быте народов, населяющих Омскую область. Большой комплекс отведён немцам. В июне 2015 г. выставка «Азиатская Россия» из фондов ОГИК музея экспонировалась в Крымском этнографическом музее в г. Симферополе.

Никого не оставила равнодушным выставка «Депортация», открытая в музее в 2000 г. На ней были представлены подлинные предметы истории депортированных семей из Поволжья, Крыма, Западной Украины, Прибалтики.

В 2012 г. ОГИК музей презентовал выставку «Немцы в контексте истории народов Азиатской России», а в 2014 г. предметы из этой музейной коллекции удачно дополнили передвижную выставку «Немцы в российской истории», подготовленной Международным Союзом немецкой культуры в рамках празднования 250-летия переселения немцев в Россию. В 2017 г. по заказу Лютеранской церкви Сибири была подготовлена выставка «На том стою, и не могу иначе...», посвященная 500-летию Реформации.

Первым опытом международного сотрудничества ОГИК музея была упомянутая уже международная этнографическая экспедиция 1995 г. В 1999 г. в Запорожье проходила международная научная конференция «Хортица-99: Меннониты в царской России и Советском Союзе». ОГИК музей представил на ней свою передвижную выставку «Меннониты в Западной Сибири».

В 2000 г. ОГИК музей совместно с Немецким культурным центром им. Гёте и Международным Союзом немецкой культуры провёл международный научно-практический семинар «Комплектование и использование материалов по истории и этнографии российских немцев».

В 2002 г. сотрудники ОГИК музея П. П. Вибе и С. В. Баах приняли участие в информационной поездке сотрудников российских музеев по Германии.

В 1997 г. ОГИК музеем был издан первый в России каталог, посвящённый этнографической коллекции российских немцев. Каталог «Этнографические коллекции районных музеев Омской области», подготовленный в 2009 г., в том числе включал в себя и немецкие предметы. В 1998 г. был создан интернет-каталог «Исто-

рия и культура немцев Сибири: по материалам архивных и музейных коллекций».

В разные годы в ОГИК музее были подготовлены и изданы сборники статей и документов, монографии по истории немцев в Сибири.

В 2009 г. под редакцией П. П. Вибе была подготовлена и издана коллективная монография «История и этнография немцев в Сибири».

В 2015 г. в ОГИК музее в рамках проекта «Антология омского краеведения» подготовлен сборник статей П. П. Вибе «Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках».

В 2017 г. в ОГИК музее издан альбом-каталог «История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея», который включает в себя наиболее интересные предметы немецкой коллекции ОГИК музея.

Альбом-каталог «История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея» — это своеобразный итог работы музейных работников по комплектованию, изучению и использованию немецкой коллекции, презентация которого состоялась в конце апреля 2017 г. в г. Омске.

*Виштоненко А. А.
(Симферополь)*

Культовые предметы западных христиан в Крыму: краткий обзор коллекции Крымского этнографического музея

Коллекция культовых предметов западных христиан Крыма составляет небольшую, но важную и интересную часть фондов Крымского этнографического музея. Ее обзор впервые вводится в научный оборот.

Комплекс данных предметов формируется, начиная с 1993 г., за счет закупок музея, сборов этнографических экспедиций и отдельных даров представителей немецкого, чешского, эстонского и польского национально-культурных обществ. На сегодняшний день, эта коллекция насчитывает 36 единиц хранения, которые в целом датируются в пределах середины XIX — конца XX вв. и отражают особенности религиозной жизни последователей двух христианских конфессий полуострова — Римско-католической и Евангелистическо-лютеранской церквей.

Вся коллекция состоит из предметов культа, которые, исходя из их функционального назначения, делятся на три группы — кресты, сакральные изображения и религиозная литература.

Группа крестов (5 единиц хранения) представлена лишь католическими образцами — настольным распятием, тремя нательными крестами и розарием (четками с крестом).

Сакральные изображения составляют наиболее укомплектованную и многочисленную группу предметов коллекции. Их насчитывается 20 единиц хранения: фото (4 ед. хр.) и литографии (6 ед. хр.) на религиозную тематику, чешский и немецкие шпрухи (8 ед. хр.), а также статуэтки Божьей Матери (2 ед. хр.).

Религиозная литература представлена изданиями XIX в. текстов Священного Писания на эстонском языке — двух Библий лютеран-

ского толка и книги «Откровение Иоанна Богослова», а также корпусом католических и лютеранских богослужебных книг — молитвенниками и молитвословами, Псалтырью, сборником проповедей и сборником лютеранских гимнов. Всего группа насчитывает 11 единиц хранения.

Коллекция культовых предметов западных христиан Крыма из собрания Крымского Этнографического музея представляет определенный научный интерес, однако дает лишь фрагментарное представление об особенностях проживания римско-католической и протестантских конфессий на территории полуострова. Среди ее экспонатов присутствуют только предметы личного благочестия католиков и лютеран среди немецкого, чешского, эстонского и польского населения, которые отражают только отдельные стороны их религиозной жизни. Поэтому в процессе дальнейшей обработки перечисленных фондовых материалов необходимо широкое привлечение данных внешних источников (архивных и музейных), что будет способствовать более углубленному изучению духовной и материальной культуры протестантских и католических общин в Крыму на протяжении XIX — начала XX вв.

*Гайворонская О. Б.
(Симферополь)*

Коллекция рождественских открыток из собрания Крымского этнографического музея

Музейные фондовые коллекции определяют научно-исследовательскую, выставочную и просветительскую работу любого музея. Для изучения темы «Праздники народов Крыма» интерес вызывает коллекция рождественских открыток начала XX — XXI вв. из фондов ГБУ РК «Крымский этнографический музей», которая насчитывает 48 единиц хранения.

История рождественской открытки начинается с 1794 г., когда в Англии художник Добсон послал поздравление своему другу с рисунком зимнего пейзажа и рождественского семейного праздника. В 1795 г. он же разослал отлитографированные открытки своим друзьям на праздник Рождества.

На открытках XIX в. обычно изображали младенца Иисуса Христа в яслях, Марию и Иосифа, Вифлеемскую звезду и Ангела, возвестившего появление Спасителя. На открытках начала XX в. в странах Западной Европы и в Англии также изображались омела, плющ, малиновка и другие рождественские символы. Изображения Святого Николая также были характерны для открыток конца XIX — начала XX вв.

Первые рождественские открытки в России в 1898 г. выпустил Петербургский попечительный комитет о сестрах Красного Креста (община Святой Евгении). Это была серия из десяти открыток по рисункам известных художников Санкт-Петербурга — Елизаветы Бем, Ильи Репина, Николая Самокиша и других. Тираж каждой открытки составлял 10 тысяч экземпляров.

Наиболее ранние по времени издания рождественские открытки в коллекции ГБУРК «Крымский этнографический музей» относятся к началу XX в. Они были изданы в Германии и России и подарены музею жителями Крыма, представителями разных национальностей

и направлений в христианстве — православными, католиками и протестантами.

Германские по происхождению рождественские открытки разнообразны по форме, материалу изготовления и сюжетам. На них изображены горящие свечи, колокольчики, подковы, еловые ветки с игрушками, свинки, гномы, мухоморы, ангелы, Святой Николай с подарками и т. д. На одной из них, изданной в Германии в начале XX в. (КП-3101, ИИ-200), изображена городская улица с многоэтажными домами серого цвета, едущая карета и Святой Николай в одежде почтальона, который несет подарки к Рождеству. На другой открытке того же времени, также изданной в Германии (КП-2993, ИИ-185), изображен ангел, украшающий рождественскую елку.

Множество германских открыток начала XX в. бытовало у эстонцев Крыма. Интересна открытка (1104нв), посланная из Симферополя в крымское эстонское поселение Курман (Кемельчи, ныне поселок Красногвардейское), с изображением Святого Николая, который принес белокурой девочке, спящей в колыбели, рождественский подарок — куклу и кулек с яблоками.

Благодаря русским художникам в начале XX в. на рождественских открытках появляется русская тематика — веселящиеся на Святках дети, купола православных храмов, мчащиеся по заснеженной дороге тройки, пейзажи русского Севера. В связи с этим, интерес представляет рождественская открытка, изданная в России в начале XX века (КП-1928, ИИ-142), где изображен русский мальчик в зимней одежде, играющий на гармошке на фоне зимнего деревенского пейзажа. Внизу коричневой краской в две строки надпись: «Пришли Святки и вь конец загулял я молодець...»

Российские почтовые открытки по своему качеству не уступали зарубежным аналогам. Они украшались тиснением золотом, блестками, имитацией снега с использованием борной кислоты, были глянцевыми, рельефными, с клееными кусочками шелка, гравюрные с золотым обрезом и плюшевые.

После революции 1917 г. празднование Рождества стало считаться буржуазным пережитком и выпуск рождественских поздравительных открыток прекратился. Тем не менее, для поздравлений продолжали использоваться иллюстрированные открытки, близкие по сюжету данному празднику. Окончательно рождественские открытки возродились в России только в конце XX в.

В фонды ГБУ РК «Крымский этнографический музей» в 2007 г. поступили в дар от крымского писателя и филокартиста Александра Михайловича Коновалова с его дарственной надписью три открытки

«С Рождеством и Крещением!», изданные в Симферополе в 2005 г. с фотоизображением собора Свв. Петра и Павла, церкви трех Святителей и Свято-Троицкого женского монастыря в Симферополе. Авторы проекта и дизайна — А. Коновалов и А. Носков. Фото для открыток сделано В. Еременко. Это первые рождественские открытки, изданные в Крыму после революции 1917 г.

Коллекция рождественских открыток ГБУ РК «Крымский этнографический музей» небольшая, но интересная для исследователей — историков, искусствоведов и филокартистов. Она требует пополнения открытками разных издателей, дальнейшего изучения и популяризации для сохранения и продолжения прекрасной традиции — поздравлять родных и друзей в праздник Рождества Христова рождественскими открытками.

*Герасименко Е. Е.
(С.-Петербург)*

Репрезентации наследия Шелкового пути в проектах Российского этнографического музея

Освоение и использование историко-культурного наследия — одна из практик социальной памяти, наиболее важной функцией которой наряду с передачей социально значимого опыта является легитимация существующего социокультурного порядка, обоснование коллективной идентичности. Результаты исследований убедительно показывают, что воспоминание на коллективном уровне не является нейтральным, формирование образа прошлого происходит под влиянием и во имя интересов различных социокультурных общностей и групп. Социальная память постоянно находится в процессе пересоздания и переконструирования. Перефразируя П. Бурдьё, можно сказать, что память — это символическая борьба по поводу восприятия социального мира.

Закономерности функционирования социальной памяти довольно ярко проявляются в современных культурных практиках репрезентации наследия Шелкового пути. В докладе характеризуются деятельность Российского этнографического музея (далее — Музей) в системе российских инициатив по развитию культуры и туризма, осуществляемых под брендом «Шелковый путь».

В целях работы по данной теме научным коллективом музея была разработана оригинальная научная концепция, которая объединила в смысловом единстве Шелковый путь, российские территории и информационный потенциал коллекционного собрания Российского этнографического музея.

Коллекции Музея (более 700 000 единиц хранения) репрезентативно представляют традиционную культуру 158 этносов Евразии и в основном фиксируют этнографические реалии рубежа XIX — начала XX вв., т. е. того времени, когда по различным историческим причинам Шелковый путь уже давно отошел в область прошлого.

Трактовка этнографических экспонатов как хранителей длительной исторической памяти и традиций, позволяет рассматривать их как источники изучения более ранних явлений и процессов. Важнейшим из них в Евразии эпохи древнего мира и средневековья был Шелковый путь. В рамках концепции он рассматривается не только как торгово-транспортный маршрут, но как историческое явление интенсивных межрегиональных и межэтнических контактов, оказавших существенное влияние на социокультурное развитие примыкавших к нему территорий.

В настоящее время многие из тех земель, что некогда представляли собой отрезки Северной ветви Шелкового пути или его периферию, являются российскими территориями. Это — Крым, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Юг Приуралья, Южная Сибирь. Именно эти историко-культурные области, расположенные вдоль южной границы России, а также сопредельные с ними зарубежные страны и регионы (Южный Кавказ, Средняя Азия и Казахстан), согласно разработанной коллективом Музея научной концепции, являются объектами изучения и представления в экспозиционно-выставочных, туристических проектах в контексте темы «Шелковый путь». Однако следует заметить, что при характеристике культурной специфики данных территорий влияние Шелкового пути на формирование региональной культуры рассматривается наряду с другими факторами. К таковым относятся особенности природного ландшафта, воздействие иных пролежавших по этим землям торговых маршрутов, обеспечивавших межрегиональные контакты, миграционные процессы. Существенным фактором этнокультурной динамики стало вхождение территорий в состав Российского государства.

Разработанная Музеем концепция в форме докладов была апробирована на международных научных конференциях, культурных форумах, посвященных тематике Шелкового пути, состоявшихся в Москве, Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Симферополе (Россия), Астане (Казахстан), Сиане (Китай).

Идеи и положения концепции получили практическое воплощение в деятельности региональных властей по развитию внутреннего туризма в историческом и географическом коридоре Шелкового пути на основе объектов отечественного историко-культурного и природного наследия, осуществляемой под эгидой Министерства Культуры Российской Федерации.

На материале собственных коллекций по этнографии народов Поволжья и Приуралья, Кавказа и Крыма, Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири и Дальнего Востока Музеем был подготовлен ряд выставочных проектов, представляющих этнокультурное наследие

традиционных обществ, некогда существовавших по трассе Шелкового пути. В период с 2012 по 2016 гг. выставки экспонировались в Испании, Казахстане, Азербайджане, России и Китае.

Для Российского этнографического музея деятельность в рамках инициатив по развитию культуры и туризма на Шелковом пути стала значительным шагом в реализации его миссии, суть которой на современном этапе состоит в изучении, сохранении и популяризации этнокультурных традиций во имя культурного развития, самоидентификации и взаимодействия народов, этносоциальных групп и людей различной этничности.

Именно в свете темы «Шелковый путь» наиболее ярко проявилось уникальное качество коллекционного собрания музея репрезентативно представлять цивилизационную специфику многих из крупных историко-культурных ареалов, образующих евразийское культурное пространство, а также российскую государственность и межрегиональные связи как влиятельные факторы его развития.

*Герцен А. Г., Науменко В. Е.
(Симферополь)*

К дискуссии о ранней этнической истории крымских караимов: археологический аспект

В последние десятилетия серьезные научные исследования по крымско-караимской тематике на Крымском полуострове, в которые были бы вовлечены отечественные и зарубежные специалисты в области археологии, истории архитектуры, эпиграфики, проходили со значительными трудностями из-за активной позиции отдельных национально-культурных обществ караимов, в частности Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар». Последние, взяв курс на политизацию и мифологизацию своей истории, всячески препятствовали действиям научно-исследовательских и государственных институций в области сохранения и популяризации историко-культурного наследия, претендуя на фактическое выведение из-под контроля государства ряда памятников средневековой археологии Юго-Западного Крыма, прежде всего, городища Чуфут-Кале и некрополя в Иосафатовой долине, в меньшей степени, Мангупского городища, где сохранились объекты истории и культуры караимов, пытаясь присвоить себе, таким образом, монопольное право на их изучение и интерпретацию. Препятствия сопровождали даже, казалось бы, не вызывающий сомнений в своей целесообразности проект внесения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО ряда памятников караимской истории и культуры в составе общей номинации «Историческое окружение столицы крымских ханов в г. Бахчисарае», который в итоге, по крайней мере, в части его научно-обоснования, удалось реализовать.

Хочется надеяться, что после вхождения Крыма в состав Российской Федерации весной 2014 г., все эти искусственные препятствия и трудности остались позади. На сегодняшний день, с учетом дискуссионности многих вопросов истории и культуры крымских караимов, важнейшей задачей, стоящей перед специалистами, является форми-

рование объективной источниковой базы их исследования. В данном случае речь идет, прежде всего, о введении в научный оборот этнографических, рукописно-печатных, художественных и фотографических коллекций крымских караимов из фондов ряда крупнейших музеев Крыма (Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Центрального Музея Тавриды, Крымского этнографического музея и других). В дальнейшем их доступность, как мы полагаем, станет важным условием для планомерного и глубокого изучения одного из мало исследованных старожильческих народов полуострова и спровоцирует, в хорошем смысле, серьезную научную дискуссию вокруг многих ключевых вопросов его истории и культуры.

Необходимость такой дискуссии назрела уже давно, особенно в контексте современного этапа изучения ранней истории караимов на территории Крыма. Суть ее, как представляется, заключается в недостаточном использовании материальных источников в исследованиях по истории и культуре крымских караимов, а также в отсутствии комплексного подхода при анализе источников для реконструкции как обстоятельств появления и расселения караимов на территории Крыма, так и их дальнейшей истории в регионе.

По-прежнему, сторонники как и наименее обоснованной тюркской (тюрко-хазарской) теории происхождения крымских караимов, так и принятой в академической науке еврейской (семитической) гипотезы появления на полуострове не позднее второй половины XIII в. особой этноконфессиональной группы населения, которое исповедовало караимизм — неортодоксальное религиозное течение, отрицавшее в иудаизме его раввинистическо-талмудическую традицию, опираются в своих заключениях, главным образом, на данные письменных источников. Число их в целом невелико, вплоть до включения Крыма в состав России в конце XVIII в., а краткость и дискуссионность в интерпретации получаемой информации фактически заставляет авторов некоторых недавних исследований либо отказываться от принятия однозначного решения, ограничиваясь перечнем всех существующих версий (см., например: Чижова Л. В. Караимы // Тюркские народы Крыма. М., 2003. С. 17-27), либо конструировать компромиссные теории о происхождении крымских караимов и соотношении в их культуре тюркского и еврейского субстратов (См.: Энциклопедия народов Крыма. Симферополь, 2015. С. 79-86). Пользы от такой компромиссности авторов, на самом деле, немного, особенно когда речь идет об изданиях, претендующих на широкое использование в современной науке и образовательном процессе. Скорее, такой формальный подход свидетельствует о нежелании исследователей глубоко вникнуть в комплекс имеющихся в их распоряжении источников.

Между тем, в нашем распоряжении, на сегодняшний день, имеются качественный фонд вещественных источников (археологических и эпиграфических), полученные в ходе многолетних исследований ряда средневековых крепостей Крыма — Чуфут-кале, Мангуп-Кале, Солхата, которые однозначно указывают в пользу поздней даты появления караимских общин в Крыму и соответственно еврейско-иудейской версии их этноконфессиональной принадлежности.

Речь идет, прежде всего, о результатах исследований двух крупных караимских некрополей в Иосафатовой долине в округе Чуфут-кале и в урочище Табана-дере на склонах Мангупского плато. Наиболее ранние датированные надгробия с эпитафиями, обнаруженные на них, относятся соответственно к 1364 и 1444 гг. Не меньший интерес вызывают результаты раскопок так называемого «караимского квартала» в верховьях Табана-дере на Мангупе. Помимо подтверждения факта строительства синагоги-кенассы местной иудейской общины в османский период истории городища, скорее всего, не позднее второй половины XVI в., они открыли входящую в комплекс синагоги микву, специальное скальное сооружение для совершения ритуальных омовений. Наличие миквы, вместе с ценным замечанием Н. В. Кашовской о том, что первыми иудеями крепости были все-таки евреи-романиоты, переселившиеся сюда из византийского Константинополя примерно в 30-40-е гг. XV в., очевидно, свидетельствует в пользу раббанитской или раббанитско-караимской принадлежности первоначальной, в пределах середины XV-XVI вв., иудейской общины Мангупского городища. Еще один важный материальный источник для истории иудейских общин в Крыму происходит из недавних раскопок Солхатского городища. Проведенные археологические исследования здания местной синагоги позволяют отнести время ее строительства к периоду 1260-1280-х гг., что хорошо коррелируется с данными письменных источников о появлении здесь крупной караимской общины, вероятно, первой на территории Крымского полуострова.

В настоящем докладе мы позволим себе в дальнейшем ограничиться более подробным изложением основных этапов средневековой истории караимов в Крыму на примере истории караимской общины Мангупского городища. Именно здесь, как нам представляется, хорошо видна эффективность комплексного междисциплинарного исследования дискуссионной научной проблемы.

*Гогунская Т. А.
(Симферополь)*

Отклик полиэтничного населения Крыма на начало Первой мировой войны

Межнациональное согласие в Крыму имеет давние исторические традиции. Опыт совместного проживания на полуострове народов, различных по языку, культуре, религии, является залогом успешной реализации крымской концепции «процветания в единстве». Актуализация исторических событий, связанных с объединением сил представителей разных народов Крыма, является важной составляющей в достижении позитивных результатов в данном процессе.

Одним из таких примеров, малоизвестным и незаслуженно забытым, является период начала Первой мировой войны и реакция полиэтничного населения Крыма на произошедший кризис. В современной историографии развернулась дискуссия по поводу существования патриотического подъема в России и других воюющих странах в 1914 г. Часть авторов ввели понятие «миф 1914 года» и оценивают поведение населения воюющих государств как «кратковременную аффектацию» или «массовую истерию». Однако, источники свидетельствуют о действительно имевшем место в Крыму общественном консенсусе по вопросу о войне на ее начальном этапе.

Жители Таврической губернии приняли активное участие в организации помощи и сборе пожертвований на нужды больных и раненых воинов русской армии. Не только в городах, но и в селениях, многие из которых были мононациональными, возникли комитеты и кружки, собиравшие средства на лазареты, на помощь семьям призванных в армию, на призрение сирот, на снабжение солдат теплой одеждой и на подарки для них. Важным направлением деятельности органов местного самоуправления и земств стала организация медицинской помощи раненым воинам. С одной стороны, формировались специальные медицинские подразделения для отправки на фронт (первый лазарет, рассчитанный на 200 коек, был отправлен 12 сентября

1914 г.). С другой стороны, организовывались лазареты в городах и прибрежных поселках Крыма.

Мобилизация на полуострове также проходила организованно и активно, в ней приняли участие представители всех этносов, проживавших в Крыму. Так, из призывников Таврической губернии была сформирована 13-я пехотная дивизия VII-го армейского корпуса, вошедшая в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова и начавшая свой боевой путь в ходе Галич-Львовской операции в августе 1914 г. В течение первого полугодия войны на мобилизационные пункты пришли около 2500 крымских немцев. Им пришлось воевать под пристальным вниманием командиров и товарищей, но к 1917 г. не было зафиксировано ни одного факта предательства с их стороны. Добровольцами отправились на фронт представители малочисленных народов Крыма, в частности в войне приняли участие около 500 кадровых офицеров и 200 солдат караимского происхождения. Особо следует отметить, что Крымский конный полк, на 80 процентов состоявший из крымских татар, принимал участие в военных действиях с сентября 1914 г., отлично себя зарекомендовал и был представлен к награждению Георгиевским штандартом и Георгиевскими трубами.

Осенью 1914 г. Крым был объявлен прифронтовой зоной в связи с вступлением в войну Османской империи и обстрелами турецкой военной эскадрой крымских прибрежных городов. Тем не менее, мусульманское население Крыма единодушно выступило с поддержкой российского правительства и императора Николая II. В частности, мусульманское духовенство вышло с ходатайством об открытии лазарета, который должен был содержаться за счет доходов с движимого и недвижимого имущества духовных учреждений. Под предводительством Сайде Ханум Муфти-заде был создан комитет для сбора пожертвований теплыми вещами в пользу российских военнослужащих. В конце 1914 г., после побед над турками на Кавказском фронте, мусульманское духовенство провело торжественный молебен в Симферопольской соборной мечети. Молитва была совершена Таврическим муфтием во главе многочисленного магометанского духовенства, при участии мурз и представителей татарского населения губернии, в присутствии Таврического губернатора и других должностных лиц.

Остались лояльными к российскому правительству и крымские немцы. Как было отмечено, их представители влились в действующую армию. Кроме этого, немецкое население полуострова передавало для армии вещи, продукты (пшеничную муку), помогало семьям мобилизованных крестьян (обрабатывать поля) и проч. За время рабо-

ты Губернского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам крымскими немцами было пожертвовано около 12 тысяч рублей. В лютеранских и католических церквях, в молитвенных домах меннонитов на протяжении 1914 г. проходили молебны о здравии Императора и всего царствующего дома, а также о даровании победы русской армии.

Отметим, что в столичных городах России с началом войны развернулась кампания по борьбе с «немецким засильем». В июле 1914 г. началась высылка иностранцев — подданных воюющих с Россией государств — германских и австрийских, росло недоверие во властных структурах и обществе к немцам — гражданам России. Однако в Крыму далеко не все поддались антинемецким настроениям. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в газете «Южные ведомости». Авторы, будучи представителями других национальностей, выступили против ликвидации немецкого землевладения на полуострове и называли их последствия «губительными» для экономики региона. На совещании земских гласных Таврической губернии и предводителей дворянства в Симферополе 25 октября 1914 г. было принято решение о формировании делегации в Петроград, уполномоченной ходатайствовать о смягчении и изменении мер, предполагаемых в законопроектах в отношении немецкого населения империи.

Таким образом, в 1914 г. многонациональное население Крыма, включая диаспоры воевавших с Россией государств, выступило с искренней поддержкой российского правительства и армии. Никакие различия — ни этнические, ни конфессиональные, не стали препятствием для объединения всех сил для борьбы с внешними врагами. К сожалению, дальнейшая политика российского правительства не способствовала сохранению межнационального согласия на полуострове и в стране в целом.

*Демидович В. В.
(Симферополь)*

Культурно-образовательные программы как один из видов деятельности Крымского этнографического музея

ГБУ РК «Крымский этнографический музей», как один из ведущих культурно-просветительских и научных учреждений Крыма, ищет новые формы коммуникации с разными группами населения, в том числе и с детской аудиторией. В связи с этим деятельность музея предполагает привлечение детской и подростковой аудитории, формирование у подрастающего поколения интереса к музейному пространству и музейной среде. Важную роль при этом играет культурно-образовательная деятельность музея.

В современном образовании на каждой из его ступеней активно внедряется системно-деятельностный подход обучения. Такой подход предполагает, что учащийся самостоятельно, в результате творческой активности, овладевает определёнными знаниями. Возрастает при этом роль музея, и, в частности, культурно-образовательных программ, которые вполне отвечают главным требованиям и идеям системно-деятельностного подхода, таким как воспитание гармоничной личности, формирование гражданской идентичности, развитие самостоятельных исследовательских способностей учащихся.

В целях приобщения детей к искусству, развития их творческих способностей, в 2001 г. была разработана и утверждена единая региональная программа «Симферополь — культурная столица» по художественно-эстетическому воспитанию детей и молодежи, которая явилась результатом сотрудничества общеобразовательных учреждений и учреждений культуры Крыма. Программа стала совместным проектом Министерства культуры и искусств Республики Крым, управления образования Симферопольского городского совета, Городского методического центра, Крымского те-

атра кукол, Крымской государственной филармонии, Симферопольского художественного музея, Крымского этнографического музея. В рамках данной программы ГБУ РК «Крымский этнографический музей» ежегодно посещают учащиеся школ Симферополя и Симферопольского района, профтехучилищ и высших учебных заведений.

В настоящее время успешно реализуется, разработанная в ГБУ РК «Крымский этнографический музей», программа «Музейный сундучок», предназначенная для работы с детьми разных возрастов. В ходе участия в мероприятиях этой программы, дети знакомятся с традициями, религией, бытом крымских этносов. Сотрудники в игровой форме рассказывают детям о различных бытовых предметах народов Крыма. Программа позволяет не только теоретически, но и на практике приобщиться к культуре народов Крыма. Каждое мероприятие включает мастер-классы по изготовлению народных игрушек или сувениров, народные игры, выступление фольклорных коллективов.

Целью программы «Музейный сундучок» является ознакомление аудитории музея с традициями, бытом, культурой народов Крыма, воспитание патриотизма через популяризацию традиций, обычаев, устоев крымских этносов, воспитание уважительного отношения к традиционным ценностям всех крымских народов.

Структура программы включает несколько разделов, каждый из которых направлен на формирование интереса к этнической истории Крыма, воспитание патриотизма, создание условий для творческой самореализации детей. Каждый из разделов программы представляет собой тематический план культурно-образовательного мероприятия, которое может быть проведено, как в музее, так и на базе образовательного учреждения. Мероприятия могут включать такие формы работы, как экскурсии, мастер-классы, презентации и т. д. В рамках программы музейные сотрудники проводят разнообразные этнографические мероприятия, такие как «Традиции чаепития», «Народная игрушка», «Традиции и праздники народов Крыма», «Музейный сундучок», «Крымский первоцвет» и другие.

Программа «Музейный сундучок» ГБУ РК «Крымский этнографический музей» открыта для преобразования и совершенствования. Дальнейшее ее развитие, возможно, должно быть направлено на внедрение новых форм познавательной деятельности и методов обучения — создание условий для самостоятельного исследовательского поиска, творческая деятельность учащихся, использование интерактивных форм обучения.

*Джемилева С. М.
(Симферополь)*

Думбелек — старинный музыкальный инструмент крымских татар (по материалам коллекции ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»)

Истоки музыкальной культуры крымскотатарского народа уходят своими корнями в глубокую древность, о чем свидетельствуют народные предания и письменные источники.

В духовной жизни каждого народа большое значение играла инструментальная музыка, исполняемая на разных музыкальных инструментах или в их сопровождении. К числу традиционных музыкальных инструментов крымских татар относятся зурна, давул и думбелек.

В коллекции Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия имеется музыкальный инструмент *думбелек* — парные литавры, изготовленные мастером из Старого Крыма, ашиком Ресулем Халиловым.

Думбелек является ударным музыкальным инструментом в виде двух горшков разных размеров, на рабочих сторонах которых натянута мембрана — на большем из воловьей кожи, на меньшем — из козьей кожи. Дно корпуса сосудов — полое, по краю они переплетены кожей и перетянуты с помощью перекрещивающихся ремешков, соединяющих их с мембраной. Звук извлекается с помощью выточенных из дерева палочек.

Сохранилось большое количество миниатюр с изображением музыкальных сцен, музыкантов либо их ансамблей, которые исполняют на различных инструментах мелодии, аккомпанируют певцам, танцовщицам на дворцовых приемах, пирах, играют во время торжественных встреч, выездов, на литературно-музыкальных меджлисах (собраниях), военных сражениях. По ним можно судить о внешнем

виде и устройстве музыкальных инструментов, манере исполнения и составе музыкальных ансамблей.

Сопровождая человека на протяжении всей жизни, музыкальные инструменты наглядно демонстрируют многогранное наследие крымскотатарского народа.

*Дмитриев В. А.
(С.-Петербург)*

Кавказские и понтийские элементы в культуре черноморских адыгов

Черноморские адыги являются этнической общностью, связанной Черноморским побережьем Кавказа, что включает их в западнокавказскую и циркумпонтийскую зоны.

Для культуры народов Западного Кавказа присущ следующий локальный культурный комплекс с особой концентрацией части признаков в северной части региона: стертость границы между лесным и окультуренным пространствами; становление лесо-хлебного земледелия, выращивание проса, позднее кукурузы и фасоли; в составе стад домашних животных особенно много коз; распространено свиноводство, пережитки которого сохранились даже в исламизированной среде; среди молочных продуктов велика доля масла, которое могло употребляться в свежем виде; практиковался горячий способ приготовления сыра; доминирующим типом жилища была легкая постройка с плетеными или дощатыми стенами под крутой кровлей; постоянно сосуществовали круглые и прямоугольные в плане постройки. На всей территории Западного Кавказа известна кустарная металлургия железа, использовавшая местные ресурсы. С данным явлением связан культ железа и распространен культ молнии. Особо культовыми местами считались кузницы и специально сложенные кучи камней. По этим признакам культура народов Западного Кавказа выступает своеобразным локальным вариантом кавказского традиционно культурного комплекса, оригинальность которого объясняется ходом экологической адаптации к природным условиям Черноморья.

Имеется ряд признаков, по которым наблюдается более тесная связь культуры народов Западного Кавказа с горско-кавказским комплексом: заимочное эффективное землепользование с иррегулярностью площадей; отгонно-пастбищное овцеводство; домашняя экономика обработки шерсти; принципы общественного быта и

определенная консервативность горских социумов (поло-возрастная структура общества с разветвленностью родственных связей и доминантой старших мужчин и др.); комплекс одежды с типолообразованием черкески. У западных адыгов черкески имел вариации в составе мужского и женского костюмов и оформлении головных уборов. В общеадыгской культуре западные адыги, в т. ч. черноморские, были едины в коневодстве, наездническом поведении, календарно-обрядовой культуре, фольклорно-музыкальном творчестве, почитании ряда пород деревьев, например, ореха; западные адыги разделяли адыго-абхазский вариант нартского эпоса. При этом у черноморских шапсугов отмечается выпадение из адыгских традиций в пользу принятия культурных элементов, возможно, связанных с тюркским влиянием — изготовление узорных войлоков вместо циновок, козлодранные в конноспортивных играх.

Этногенез черноморских адыгов целиком связан с Причерноморьем. Если следовать концепции Л. Лаврова и Е. Алексеевой, то основой адыгской этнической общности является абазский (санигский/джикетский) этнический массив, более близкий абхазо-адыгской ранней общности, занимавший некогда на Черноморье территорию от современной Анапы до Абхазии. В средние века он постепенно подвергался воздействию со стороны низовых (Таманский полуостров и низовья Кубани) адыгских феодально-развитых групп, тем самым войдя в состав жанеевского «аристократического» социума. Однако, в середине XVIII в. адыги освободились от князей Жанэ и стали известны как натухаевцы и шапсуги, считавшиеся уже черкесскими социумами. Они уже образовали патронимически-политический союз, к которому в ходе Кавказской войны присоединились другие социумы абазо-санигской общности, абадзехи и убыхи. Примечательно отношение многих народов Западного Кавказа к понтийскому антропологическому типу, ареал которого растягивается от Рязани до Дуная и северо-восточной Анатолии.

В силу того, что натухаевцы и шапсуги достаточно прочно связаны происхождением и культурой с Черноморским регионом, возникает проблема их отношения к циркумпонтийской общности. Трактовки последней, на сегодняшний день, различны, но их возможно объединить в концепции общности, территориально широкой и связанной с кавказско-анатолийским очагом металлургии эпохи палеометалла, очага раннего этногенеза некоторых индоевропейских этносов, зоны усиленных торговых и культурных контактов народов, живущих по берегам Черного моря, а также периодически возникающих этнополитических доминант в Черноморском бассейне (древнегреческая колонизация — VIII в. до н. э. — IV в. н. э.; авантюра Великого Пон-

та — 132-63 гг. до н. э.; византийская эпоха, с перерывами — IV-XV вв.; «тюркские клещи», образовавшиеся с XI в. вторжением гузов в Северное Причерноморье и сельджуков в Южное Причерноморье; османский период — XV-XVIII вв.; период Российской империи — XVIII — начало XX вв.; советский период — 1945-1991 гг.). Одной из этнополитических реалий является столкновение в понтийской зоне двух евразийских доминант российского понтизма и турецкого пантюркизма. Важным этнологическим элементом циркумпонтийской общности можно назвать также диаспоры армян и греческих групп в бассейне Черного моря.

Черноморские адыги были участниками многих указанных исторических событий в разные периоды своей этнической истории. Оставляя в стороне вопрос о собственно циркумпонтийских элементах в культуре адыгов, можно отметить культурные комплексы под условными названиями «боспорский» (Северо-Западный Кавказ, Приазовье, Крым) и «иберийский» (сходство пережитков культуры народов Западного Кавказа и Пиренейского полуострова). В боспорском комплексе следует отметить компоненты воинской культуры и некоторых социальных структур, а также сходство в некоторых элементах костюма (элементы кроя, головные уборы, женские котурны). В иберийском комплексе отмечается сохранение некоторых архаических земледельческих орудий, а также развитый культ быка. Вызывают внимание также такие компоненты архаической религии черноморских адыгов, как культ рыбы-Кодеша и культ «самоществующей коровы» Ахына. Среди адыгских этнонимов присутствует и такой, как «народ моря».

Евсеев А. А.
(*Феодосия*)

Население Феодосии в конце XIX — начале XX вв.

История Феодосии конца XVIII — начала XX вв. характеризуется динамичностью демографических процессов, на ход которых оказывали влияние положение города в системе международной торговли, состояние его экономики в целом и правительственные указы. Это было время административных преобразований, поисков оптимальной модели развития города, чередования периодов упадка, относительно застоя и бурного экономического роста.

Экономический расцвет города в 90-е гг. XIX — начале XX вв. был обусловлен переводом из Севастополя в Феодосию коммерческой гавани. В связи с этим в 1892 г. была сооружена Джанкой-Феодосийская ветка железной дороги, а в 1896 г. открыт новый Феодосийский торговый порт. С 1897 г. здесь находился главный наблюдательный карантин, и ежегодно через Феодосию проходили от 12 до 15 тысяч паломников-мусульман. К началу XX в. Феодосия превратилась в одну из важнейших торговых гаваней Российской империи на Черном море и один из крупнейших городов Крыма.

Развитие экономики и торговли Феодосии в конце XIX — начале XX вв. сопровождалось бурным ростом населения города. Если в 1888 г. здесь проживало около 11 тыс. человек, то в 1894 г. уже около 19 тыс., а в 1897 г. — более 27 тыс. человек. Таким образом, за девять лет численность населения Феодосии выросла почти в два с половиной раза. С 1897 по 1911 гг. население города увеличилось еще на 8 тысяч человек, т. е. на 30%, а по сравнению с 1888 г. — более чем в 3 раза. На 1 января 1913 г. в Феодосии проживало 36 078 человек, из них мужчин — 20 393 человек, женщин — 15 684 человек. Население Феодосии составляло 36,5% от населения всего Феодосийского уезда и 8,7% от всего населения Таврической губернии.

По переписи 1916 г., в Феодосии проживали 38 470 человек, из них временно проживавших — 1 503 человека. В городе насчитывалось

3 883 дворов. Таким образом, с 1888 по 1916 гг. население города Феодосии увеличилось в три с половиной раза. Феодосийцы по-прежнему составляли 36,5% от всего населения Феодосийского уезда и 8,7% от населения Таврической губернии.

В конце XIX — начале XX вв. сохранялась традиционная для Феодосии этническая и конфессиональная пестрота ее населения. Здесь проживали представители десятков этносов. В 1897 г. русских в Феодосии было около 16 тыс. человек, татар — 3 200, евреев — 3 тыс., караимов — 1 700, армян — 1 500, представителей других этносов — 1 800 чел. В 1910 г. в Феодосии насчитывалось 19958 человек, среди которых 61,5% составляло русское население, евреев было 5005 (15,4%), татар — 2953 (9,1%), греков — 1438 (4,4%), караимов — 1160 (3,6%), армян — 873 (2,7%), поляков — 429 (1,4%), немцев — 269 (0,8%), других этнических групп — 380 (1,2%). В 1916 г. русских среди феодосийцев было 23751 человек или 61,6%, евреев — 6 118 (15,9%), татар — 3 114 (8%), караимов — 1 140 (3%), греков, болгар, армян и других этнических групп — 4 317 (11,5%).

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. среди жителей Феодосии преобладали русские, в то время как в первой половине XIX в. — греки-переселенцы с территории Османской империи и их потомки. Второе по численности место среди национальных общин города вплоть до конца XIX в. принадлежало крымским татарам. С начала XX в. эту позицию среди национальных общин города занимают евреи. В начале XX в. значительно уменьшается польское и караимское население Феодосии.

Часть постоянных жителей Феодосии сохраняли подданство других государств. В интересующий нас период времени мужское население города преобладало над женским. В городе также постоянно находились войска, иностранные и иногородние коммерсанты, моряки, иные группы временных жителей.

В XIX — начале XX вв. христиан в Феодосии всегда было больше, чем представителей других религиозных конфессий. Среди христианского населения первое место всегда оставалось за православными. Второе по численности место среди религиозных конфессий до конца XIX в. принадлежало мусульманам, с начала XX в. — иудеям. Постоянно проживали в городе также армяно-григориане, католики, протестанты (в основном, лютеране), караимы. Все религиозные общины города имели свои храмы или молитвенные дома.

Дальнейшее поступательное развитие Феодосии было нарушено наступившими революционными событиями 1917 г. и последовавшим затем лихолетьем Гражданской войны в России.

Ельяшевич В. А.
(Симферополь)

Этническая карта Симферополя по материалам переписи 1920 г.: караимы

Первые упоминания о караимах в Симферополе относятся к первой половине XIX в. Заселяя кварталы Старого и Нового города, открывая магазины, лавки и фабрики, караимы вместе с другими народами формировали облик главного города Таврической губернии.

Караимы селились во 2-й и 3-й полицейских частях Симферополя, на границе старой (восточной) и новой (европейской) частей города, в районе, центром которого являлась караимская кенасса. Богатые купеческие семьи, такие как Шишман, Сарибан, Черкез, Пастак, покупали и строили свои дома также в центральной части города. Сейчас эти дома являются памятниками архитектуры.

Известно, что в 1836 г. в Симферополе проживало 60 караимов, но к 1879 г. их численность достигла 792 человек. Максимальная же численность караимского населения города отмечена в переписи населения 1926 г. — 934 человека.

Материалы переписи населения 1920 г., хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, позволяют поименно восстановить караимское население Симферополя того времени, установить места их компактного проживания и еще глубже проследить процесс расселения караимов по городу. На основе переписи, составлена карта Симферополя с нанесенными на нее домами, в которых проживали караимы. Она может рассматриваться как наглядное пособие по изучению демографии и истории караимов Симферополя в первой четверти XX в.

Кашовская Н. В.
(С.-Петербург)

О фамильной ономастике караимов (по материалам эпиграфики)

Среди современных исследовательских направлений по истории, культуре и этнографии караимов (небольшой этнолингвистической группы), представители которой проживают, в том числе, и в Крыму, сравнительно мало тех, что затрагивали бы обрядовые традиции или историю бытования конкретных вещей. Ритуальные предметы когда-то были встроены в иерархическую структуру по степени своей причастности к культуре. Их создатели стремились, чтобы они соответствовали религиозному канону. Нам сегодня только предстоит приблизиться к пониманию той роли, которую эти предметы играли в культуре. Ритуальные предметы, приобретенные от носителей религиозной традиции или их потомков, становятся интересны вдвойне, а, с учетом информации, откуда они и где бытовали, кем и как были созданы, кому принадлежали, каким путем попали в коллекции, повышается их значение как исторического артефакта.

Караимская коллекция Государственного Музея истории религий (далее — ГМИР) представлена предметами мольного облачения, интерьерными ритуальными тканями кенасс. Это *шабсы* (другое название «чичит» от древнееврейского «цицит»), *парохеты* (завесы), *таллиты*, сумочка для *таллита*, деревянная модель страусиного яйца. Коллекция начала формироваться в 1932 г., когда в музей из Симферопольского Центрального Антирелигиозного музея (далее — ЦАМ Крымской АССР) поступили 9 предметов. В Симферопольский ЦАМ, вероятнее всего, они попадали из евпаторийского Антирелигиозного музея, который был филиалом Евпаторийского археолого-этнографического музея с караимским отделом. Так, совершенно определенно можно говорить о евпаторийском происхождении трех парохетов (Е-2381 –VII; Е-2460 –VII; Е-2374 –VII), что следует из вышитых на них надписей. Данные ритуальные завесы представлены в списке 1932 г.

Они именные, посвящены «святыне» города Гёзлеве (Евпатория). Первый Мерафаэлем, сыном Моше Тиришкина, в честь его отца и брата Якова Белика (Болека) из караимов, второй — почтенным господином Авраамом, мудрецом, сыном почтенного господина Моше Габая», дарителями третьего парохета являлась семья почетных граждан города Евпатории Когенов-Айвазов, а именно, вдова Шломо Коген-Айваза, Рахель, которая заказывает завесу в память о своем рано ушедшем сыне Ицхаке. Коген-Айвазы, как можно установить по синагогальным спискам и спискам издательства, под двойной фамилией регистрируются с 1840-х гг. Данные ритуальные завесы представлены в списке 1932 г., среди вещей переданных Центральным Антирелигиозным музеем г. Симферополя.

К культовым ритуальным вещам относятся и *талиты*, которые в караимской традиции именуется под двумя названиями — *кенафот*, что сближало их с традиционным еврейским *талитом* с кистями, и *цицит*, последнее произносилось караимами с тюркским акцентом как *чичит*. Оба талита выполнены по одному образцу. Видимо, они изготавливались в одной мастерской — у них единая сюжетная композиция вышивки и одинаковый размер (182 x 12 см). Единственное отличие в том, что один талит (инв. № Е-2433) именной: «Мордехай Шайтан», где первое — имя Мордехай, второе — Шайтан. Надписи, возможно, означают имя и фамилию. Фамилия Шайтан имела хождение в караимской среде с самого начала XIX в.

Габай и *шапшалы* — руководители общины, ее администраторы, занимающиеся финансовыми и административными делами. Они составляли совет общины, которым пришлось в XIX в. решать куда более сложные вопросы, выходящие за рамки общинных интересов. В 1863 г. караимы получают полные права граждан Российской империи. С этого момента караимские общинные лидеры стали духовно призванными содействовать включению своих членов к активной жизни в новых условиях. Можно полагать, что встречный интерес и российской администрации к одному из «туземных» народов — караимам, был вызван и экономическими соображениями. Караимские семьи осваивали такие отрасли крымского хозяйства как шелководство, виноградарство, садоводство, табаководство, которые очень быстро стали наиболее эффективными. Купеческий интерес привел их в столичные города. В Москву, Петербург уже выезжали с паспортами, где с именами в обязательном порядке указывались фамилии. Так появились купцы и промышленники Габбай, Айвазы, Шапшалы. Благополучно сошлись интересы новой администрации и заботы караимских общинных духовных лидеров.

Контекст одной из посвячительных надписей показывает, что слово *габбай* использовано не однозначно. Но может ли оно выступать фамилией? За ответом на эти вопросы стоит обратиться к эпиграфическому корпусу некрополя Чуфут-Кале, на котором погребали своих родных и жители г. Евпатории.

Примеры употребления личных и социальных титульных имен на евпаторийских завесах и надгробных камнях кладбища Чуфут-Кале в полной мере позволяют проследить становление фамилий у членов караимской общины г. Гёзлева (Евпатории). Этот процесс был естественным ходом развития в различных социальных и этнических обществах Российской империи второй половины XIX в. Вводимые в оборот эпиграфические источники фиксируют этот исторический ход, устанавливают связь имен дарителей с эпитафиями на Чуфут-Калинском кладбище. Вся коллекция ритуальных предметов из ГМИР, происходящая из караимской крымской общины, в значительной мере позволяет проследить становление культовых обрядов, перерастание их в традицию. Процесс развития караимской общины в Крыму был естественно-историческим, а его региональные особенности зависели от различных социальных и политических условий. Вводимые в оборот источники материальной и духовной культуры караимом будут способствовать воссозданию достоверных исторических событий, этнокультурной среды караимов Крыма XIX-XX вв.

Керимова А. Т.
(г. Симферополь)

Историография изучения крымскотатарской свадьбы

Обращаясь к характеристике источников, мы вынуждены отметить, что специального обзора литературы, как и специальных исследований по крымскотатарской свадьбе, практически не существует. Сведения о крымско-татарском свадебном обряде приходилось собирать по крупицам и иногда из самых неожиданных источников.

Первое и достаточно подробное описание свадебного обряда крымских татар мы находим у монаха, проезжавшего через Крым в середине XIII в., с дипломатической миссией — фламандца Гийома де Рубрука.

Благодаря археологическим находкам и записям путешественников мы можем проследить эволюцию элементов крымскотатарской свадьбы.

На протяжении всей обозримой истории Крымского полуострова происходила активная миграция племен и народов, сменявших друг друга: киммерийцы, скифы, греки, готы, половцы, армяне, генуэзцы и т.д. Естественно, что такой сложный этнический конгломерат сказался на специфике формирования этносов, представлявших более поздних обитателей полуострова. Пожалуй, в наибольшей мере это относится к крымским татарам, у которых черты, свойственные их этническим предкам, проявились и в вариантах антропологического типа, и в особенностях хозяйственных и культурных традиций [10, С. 140].

В начале XVII в. побывавший в степном Крыму монах доминиканского ордена Да Лукка Джовани (Жан де Люк) в своём «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин...» сообщает очень важные для нас сведения о таком свадебном обычае как многожёнство среди крымских татар [2, С. 12].

Несомненный интерес представляют наблюдения этнографического характера академика Петербургской Академии наук Петра Симона Палласа, особенно для характеристики крымских татар в первые десятилетия после включения Крыма в состав Российской Империи. Он писал о постепенном уходе от исламской традиции многожёнства [4, С. 389].

Одно из самых первых и полных описаний проведения крымскотатарской свадьбы мы встречаем у сенатора, члена Российской Академии наук Павла Ивановича Сумарокова, который путешествуя по Крыму в 1799 году, написал двухтомное сочинение «Досуги Крымского судьи» [8].

Возрастные особенности вступления в брак четко описывает историк и этнограф Крыма середины XIX в. Кондараки Василий Христофорович в труде «Универсальное описание Крыма» [3].

К началу XIX в. сведения о крымскотатарской свадьбе мы можем встретить у русского географа и натуралиста, члена-корреспондента Петербургской Академии наук Густава Радде [5].

О браках между родственниками в Золотой Орде предлагает сведения русский востоковед-тюрколог Василий Дмитриевич Смирнов в труде «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.» [7].

Большой вклад в изучение свадебного обряда крымских татар первой трети XX в. сделал антрополог и археолог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Он провёл полевые исследования в Судакском и Бахчисарайском районах. Наиболее подробное описание крымскотатарской свадьбы он дал в своей статье «Брачные обряды татар горного Крыма» [1].

Специальным изучением такого элемента крымскотатарской свадьбы как костюм занималась Рославцева Лидия Игоревна в своей монографии «Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в. Историко-этнографическое исследование» [6].

Что касается работы, в которой детально описывается музыкальное сопровождение крымскотатарской свадьбы, то это работа Яя Шерфединова под названием «Очерк свадьбы крымских татар Феодосийского, Керченского, Джанкойского и отчасти Евпаторийского районов» [9].

Интересующие нас сведения о крымскотатарской свадьбе, написаны турецкими исследователями: Akaran E., Aktaş A., Bektöre E., Binler M. Z., Çubukçuzade S. K., Dülber I., Ipek Y., Karakaya A., Kirimtaylı D.

Таким образом, специальных трудов, посвящённых крымскотатарской свадьбе практически не существует. Данные по этой

проблематике мы можем почерпнуть из записей, сделанных путешественниками, побывавшими в Крыму в разное время. Кроме этого, благодаря научным экспедициям начала XX в. учёные внесли огромный вклад в изучение свадебного обряда. Помимо отечественных исследователей, крымскотатарский свадебный обряд изучали и зарубежные учёные.

*Киселёва Н. В.
(Симферополь)*

Современная межнациональная ситуация в Республике Крым: по опросам общественного мнения

Крымское общество не является гомогенным не только в этническом и религиозном смысле, но и в оценочных суждениях представителей разных национальностей и конфессий. Наиболее значительные отличия в оценках современной ситуации фиксируются результатами социологических исследований между крымскими татарами, этническими украинцами и другими этническими группами Крыма.

В принципе, такая дифференциация отмечалась на протяжении последних 23 лет, когда полуостров находился в составе Украины. С возвращением Крыма в состав России она меняется, но этот процесс идет медленно.

К примеру, в ходе опроса, проведенного в 2015 г. в рамках комплексного исследования межнациональных отношений в Крыму Фондом ИСЭПИ, респонденты из числа крымских татар и украинцев, несмотря на усилия власти в сфере гармонизации межэтнических отношений в Крыму, оказались более скептическими в оценках современного состояния межнациональных отношений на полуострове, чем респонденты из числа других национальностей. Если среди респондентов, самоидентифицирующих себя русскими, армянами, болгарями, греками, немцами и представителями других национальностей, доля тех, кто считает нынешнее состояние межнациональных отношений в Крыму напряжённым или скорее напряжённым, чем нормальным, составляет менее 20%, то среди респондентов из числа украинцев этот показатель достигает 22,6%, крымских татар — почти 30% (29,2%).

Соответственно, аналогичное соотношение отмечается и в удельном весе респондентов, оценивающих нынешнее состояние межнациональных отношений как нормальное или скорее нормальное, чем

напряжённое. Среди представителей большинства проживающих в Крыму национальностей удельный вес позитивных оценок превышает 80%, у респондентов из числа украинцев составляет 76,3%, из числа крымских татар — менее 70%.

В вопросе динамики состояния межнациональных отношений доля респондентов, считающих, что оно ухудшилось, у представителей большинства национальностей Крыма составляла от 0% (болгары, греки, немцы) до 15,7% (украинцы), в то время как у респондентов из числа крымских татар превышает 20% (20,8%).

Перечень факторов, являющихся, по мнению респондентов, источниками межнациональной напряжённости в Крыму, в целом идентичен, но их иерархия у представителей разных национальностей отличается. Следует подчеркнуть, что респонденты из числа крымских татар чаще склонны отмечать в качестве таковых действия органов центральной и муниципальной власти Республики Крым. Доля таких ответов у крымских татар значительно превышает аналогичный показатель в ответах русских и украинцев.

В то же время респонденты из числа русских и украинцев чаще, чем крымские татары, отмечают в качестве источников межнациональной напряженности в Крыму правовую безнаказанность отдельных этнических организаций и провокационное поведение представителей отдельных национальностей.

Еще большие отличия зафиксированы в оценке необоснованных претензий на льготы и привилегии со стороны представителей отдельных национальностей. Если среди крымских татар отметили этот источник межнациональной напряженности в Крыму только 3,9% респондентов, то среди русских и украинцев в 3 и 4 раза больше — соответственно 12,0% и 15,0%.

Аналогичные различия отмечаются в оценках респондентами из числа крымских татар и других крымчан изменений политической ситуации в Крыму и социально-экономического положения, а также в ответах на иные вопросы, касающиеся межнациональных отношений.

Например, результаты исследований, проведенных в 2015 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по заказу Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) и Институтом социологии РАН, зафиксировали различия в отношениях к определению Крыма как Родины среди представителей разных этнических групп. Так, четыре пятых русских и украинских респондентов полагали, что с полным правом своей Родиной могут считать Крым представители всех национальностей, проживающих на полуострове. В отличие от них, большинство крымских татар признавали такое право исключительно за представителями своей национально-

сти. Представления крымских татар о своей эксклюзивности трансформировались в дискурс о «коренном народе Крыма», нуждающемся в дополнительных преференциях, вплоть до создания специальных институтов квазигосударственности, роль которых исполнял меджлис вплоть до его запрета.

В связи с этим следует еще раз отметить заявление Президента Российской Федерации Владимира Путина, озвученное им на встрече с представителями национальных общественных объединений РК, где он назвал Крым, по сути, отражением многонациональной России и подчеркнул: «Любые спекуляции на тему каких бы то ни было особых прав граждан, принадлежащих к той или иной национальности, к тому или иному этносу, в этой связи считаю чрезвычайно опасными».

*Кондратюк Г. Н.
(Симферополь)*

Крымские татары в этнических процессах межвоенного периода в Крымской АССР (20-30-е гг. XX в.)

В начале советского периода своей истории Крым стал регионом, в котором апробировались мероприятия советской политики коренизации. В 1922 г. ЦИК Крымской АССР принял декрет, получивший образное наименование декрета о «татаризации». Декрет предусматривал квотирование в органах власти и более широкое использование крымскотатарского языка в системе государственного управления.

Коренизация являлась многомерной политикой, не сводимой только к развитию образования и создания национальных школ. Руководители Крымской АССР осознавали, что этнический состав населения полуострова позволит наполнить национальную политику качественно новым содержанием.

Одним из инициаторов программы переселения крымских татар стал председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов. Переселенческая кампания включала два вектора: внутренний и внешний. Внутреннее переселение было тесно взаимосвязано с проведением аграрной реформы в Крыму. Аграрная реформа включала внутриселенное и межселенное переселение. Внутриселенное переселение означало упорядочение земельных участков, находившихся у земельных обществ. Технически проводили его агрономы Народного Комиссариата Земледелия Крымской АССР.

Межселенное переселение проводилось в контексте политики коренизации. Его основная цель — переселить крестьян крымских татар из южнобережного региона в степной. Переселенческая кампания предполагала не только решение сугубо экономических проблем малоземелья, но и закрепление за крымскими татарами земли, что исключило бы внешний приток иноэтнического населения. Данная

проблема, становилась всё более актуальной в условиях начавшейся кампании переселения в северные регионы Крыма евреев. Первые еврейские колонии были образованы ещё в 1923 г. Они возникли по инициативе самих евреев-переселенцев, но вскоре программа приобрела плановый характер. Центральный КОМЗЕТ был создан, согласно постановлению ЦИК СССР, 29 августа 1924 г. Вскоре были сформированы его региональные структуры, в частности в Крымской АССР. Крымское представительство КОМЗЕТ было организовано 12 марта 1925 г. Таким образом, переселение в Крым приобрело плановый общегосударственный характер.

Указанное обстоятельство активизировало проведение руководством Крымской АССР контрмер, которые бы исключили изменение этнической структуры населения. С этой целью ускорилось проведение аграрной реформы в направлении межселенного переселения.

Вопросы переселения были подняты ещё в период гражданской войны на полуострове и с новой силой стали обсуждаться с рубежа 1923 г., когда были преодолены последствия голода.

Значительная роль в области переселения, как важного элемента коренизации, отводилась созданному Крымскому обществу помощи переселенцам и расселенцам — КОППР. 14 июня 1926 г. состоялось первое заседание Пленума КОППРа. На заседании присутствовали В. Ибраимов, У. Балич, М. Мамут-Недим, Арабский, Лятиф-заде. Центральный вопрос, обсуждавшийся присутствующими — утверждение устава КОППРа и формирование, таким образом, организации. В принятом уставе, первый параграф содержал формулировку целей и задач общества: «Содействовать переселению и расселению коренного крестьянского населения внутри Крыма, а также способствовать татарам-эмигрантам и их потомкам в возвращении на родину и устройстве на месте».

Руководство крымской автономии стремилось организованными действиями стимулировать создание новых ячеек КОППР, сбор членских взносов, активно пропагандировать идеи организации в периодической печати. По советской линии перед РИКаами ставилась задача непосредственно принять участие в организации новых структурных подразделений общества. В январе 1927 г. в циркулярном письме председатель Правления КОППР Вели Ибраимов отмечал, что необходимо «незамедлительно приступить к организации столь необходимых для осуществления задач Общества сельских и деревенских ячеек, а также и устройству возможно чаще обстоятельных докладов среди широких масс населения в целях популяризации задач Общества»

После событий мая 1928 г. КОППР фактически не возродилось и не приобрело широких масштабов деятельности. Политически-

ми событиями КОППР было отведено всего лишь неполные четыре года работы. Начавшее работу в августе 1926 г. общество прекратило своё существование в марте 1930 г. На своём заседании от 5 марта 1930 г. Президиум ЦИК Крымской АССР принял решение о ликвидации КОППР. Главная причина — коллективизация аграрного сектора, изменение содержания национальной политики.

КОППР задумывался в условиях относительной свободы мнений середины 1920-х гг., на волне революционной романтики и освобождения «угнетённого Востока». Экспорт революционных идей удачно сочетался с расширением влияния в Турции и иных странах. Крымская АССР должна была стать образцом решения проблем тюркских народов. Прагматизм в оценке предназначения КОППР, со стороны лидеров республики — это противостояние еврейскому переселению в Крым. В. Ибраимов, О. Дерен-Айерлы и их соратники боялись существенного изменения этнической структуры населения автономии. Будущее Крымской АССР ими рассматривалось как развитие национальной крымскотатарской автономии. Под эту цель проводилось районирование, создание национальных сельских советов, коренизация аппарата управления, развитие образования, земельная реформа. КОППР выступало как элемент этой политики, прежде всего в перераспределении такого ресурса как земля. Задуманная программа реэмиграции крымских татар из-за рубежа должна рассматриваться в контексте государственных процессов автономии. Однако изменение вектора национальной политики на рубеже 1920-1930-х гг., сделало КОППР ненужной структурой, что и привело к его ликвидации.

Конкин Д. В.
(Симферополь)

Проблемы налогообложения крымских татар в контексте работы Таврического Комитета (1819 г.)

Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало важным опытом интеграции российским государством территории с преобладающим мусульманским населением в рамках новой политики веротерпимости, официально провозглашенной Екатериной II. Не имея еще достаточного практического опыта взаимодействия с мусульманской окраиной, имперская власть использовала в Крыму известные ей традиционные инструменты управления, приспособивая их к местным условиям. Важной частью данного процесса стали попытки интегрировать сложившиеся на полуострове правила налогообложения, приспособить их к знакомым в России образцам.

Российская администрация изначально обратила внимание на особенности фискальной системы мусульман Крыма и ее несоответствие общеимперским традициям. С целью адаптировать налогообложение мусульман Г. А. Потемкин предложил вместо неприемлемой для крымских «татар-поселян» подушной подати собирать с них налоги «с земли» и «с произрастений», имитировавшие привычные для последователей ислама *харадж* и *ушр*.

Данная система так и не была внедрена в Крыму, но и общероссийские фискальные правила, подушную подать, рекрутскую повинность российская администрация также не решалась применить в полном объеме. В течение продолжительного времени крымские татары оставались вне унифицированной системы налогообложения, выплачивая только земские и местные сборы.

Вопрос налогообложения крымских татар долго оставался дискуссионным. Новации министерства финансов не находили поддержки со стороны специализированных комиссий при Александре I. Важной частью аргументации противников введения унифицированных

повинностей в Крыму оставалась особое отношение мусульман к подушной подати. Именно на эти обстоятельства обращали внимание члены «Комитета для разбора дел до Таврической губернии относящихся» (Таврический Комитет), учрежденного в 1819 г. по распоряжению Александра I. В итоге, только в конце 20-х гг. XIX в. в правление императора Николая I новороссийская администрация во главе с М. С. Воронцовым решилась ввести подушный налог среди крымских татар.

*Коскова А. С.
КФУ им. В.И. Вернадского*

Сообщество итальянцев Крыма «С.Е.Р.К.И.О.»: период возрождения итальянской диаспоры

Итальянцы являются одним из традиционных этнических меньшинств на территории Крымского полуострова, хотя далеко и не самым многочисленным. На территории Крыма в настоящий момент проживает не более 500 человек, имеющих итальянские корни. Многие из них, вероятно, являются потомками выходцев из Италии, появившихся в Крыму во второй половине XIX в. для освоения земель Южной России и занимавшихся в основном виноградарством и судостроением.

Трагическая страница депортации итальянского меньшинства в 1937 года и до середины 40-х гг. XX в. изучается в последние десятилетия как в отечественной, так и в зарубежной, преимущественно итальянской, историографии. После возвращения на уже родную для них крымскую землю мирные итальянцы снова стали «желанным» этносом на полуострове. Наиболее концентрированно итальянская диаспора ныне проживает в восточной части полуострова, главным образом, в Керчи. Она активно напоминает о себе с помощью различных культурных акций — выставок, публикаций книг и др. Ее деятельность привлекает внимание как итальянскую, так и российскую общественность.

С начала 90-х гг. XX в. итальянцы Крыма пытаются закрепить свое положение среди других этнических меньшинств полуострова. Они прошли путь от регистрации своей римско-католической общины до существования в качестве региональной общественной организации — сообщества С.Е.Р.К.И.О., известного в Италии и активно налаживающего диалог между диаспорой на территории России и страной-метрополией. Сообщество итальянцев в настоящий момент представляет собой интерактивный, «живой» этнографический музей. В нем ведется большая поисковая работа в архивах, популярно-

зируется итальянский язык и культура как внутри итальянской общины, так и вне ее, налажены постоянные контакты с этническими итальянцами и их потомками в рамках отдельного клуба любителей итальянистики. На своем официальном сайте, с содержанием которых можно ознакомиться, как на русском, так и на итальянском языках, вывешиваются анонсы о прошедших и предстоящих событиях. Организация керченских итальянцев активно сотрудничает с различными обществами и государственными учреждениями в Российской Федерации и Италии (центральная библиотека им. Белинского в г. Керчь, канал Rai, российский проект «Общество крымско-итальянской народной дружбы»).

*Лантев Ю. Н.
(Симферополь)*

КЭМ. 25 лет. Итоги и перспективы развития

2017 год является юбилейным для Крымского этнографического музея (далее по тексту — КЭМ). Юбилейный год — это своеобразное время подведения итогов работы и составление перспективного плана развития, как краткосрочного, так и долгосрочного. Главный итог работы — музей состоялся как самостоятельное учреждение. Сформировал основу коллекции, отражающую традиционно-бытовую культуру основных этносов и этнических групп Крыма, открыл экспозиции, завершил ремонтно-реставрационные работы основного здания музея, являющегося памятником регионального значения — «Приют для девочек графини Адлерберг». Музей гармонично вошел в единое музейное пространство и культурное поле Российской Федерации. Этнографический музей — это единственная площадка в Республике Крым, которая представляет Крым многонациональный и это, как было сказано выше, главный итог двадцатипятилетней работы.

В настоящее время коллекция насчитывает около 14 000 экспонатов, дает представление о культурах 25 народов и этнических групп (в экспозиции представлена 21 культура). Условно 25-летнюю историю формирования коллекции можно разделить на три этапа: I этап — 1993-1999 гг., II — 2000-2013 гг., III — 2014 г. — по настоящее время.

Основное формирование коллекции проходило в период экономического и культурного кризиса (1993-2000 гг.), но, несмотря на это, 92,5 % предметов, хранящихся в фондах музея, подарены жителями Крыма. Коллекция формируется и в настоящее время путем дарения, сбора и закупки экспонатов.

С 1999 г. посетители музея знакомятся с экспозицией «Мозаика культур Крыма». Первоначальная экспозиция разместилась на площади 247,4 м², было представлено 636 экспонатов. Благодаря планомерной работе администрации и сотрудников музея с 2004 г.

экспозиционно-выставочная площадь музея к настоящему времени составляет 1060 м².

Постоянно действуют четыре экспозиции — «Мозаика культур Крыма» (открыта в 2006 г., в 2010 г. открыт экспозиционный комплекс по молдавской культуре), «Крымский ларец» (открыта в 2009 г.), «Русский самовар. Традиции чаепития» (открыта в 2010 г.), «Музей украинской вышивки им. В. С. Роик» (открыта в 2012 г.). В 2017 г. музей презентует Детский этнографический центр, на площадке которого будут демонстрироваться 61 керамическая фигура по этнической истории Крыма периода античности, средневековья и нового времени. Общее количество экспонируемых предметов на пяти экспозиционных площадках составит 2205 предметов.

Уже к 2005-2006 гг. музей показал свою самостоятельность, пройдя сложную процедуру юридической реорганизации — выделение из Центрального музея Тавриды с сентября 2009 г. Этнографический музей выделен в самостоятельное юридическое лицо.

Предшествующие 25-летию последние пять лет ознаменовались рядом серьезных событий в жизни музея. В 2012 г. необходимо отметить проведение реставрационных работ фасада основного здания и открытие в музее экспозиции — «Музей украинской вышивки им. В. С. Роик». 2014 г. — год вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. С середины года началась новая эпоха в жизни не только КЭМ, но и всех музейных учреждений Республики Крым. 2015-2017 гг. — время перехода в юридическое поле Российской Федерации, переоформление правоустанавливающих документов на здания и земельные участки, установка новых коммуникаций и внедрение новых методик музейной деятельности.

В ходе реализации Государственной программы Республики Крым «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым» и Государственного задания удалось реализовать ряд мероприятий: сохранность музейных коллекций и безопасность музейных учреждений; приобретение музейных коллекций и выставочно-экспозиционного оборудования; ремонтно-реставрационные работы; издательские проекты; мероприятия по сохранению объектов культурного наследия; межмузейный выставочный обмен и другое.

В 2014 г. благодаря Федеральным целевым программам в КЭМ было реализовано два выставочных проекта — «Гимн России» из фондов Всероссийского музыкального объединения — музыкальной культуры им. М. И. Глинки и «Народы Крыма» из фондов Российского этнографического музея. Итогом последней выставки стало укрепление материально-технической базы музея.

В июне 2014 г. КЭМ, в рамках работы Международного фестиваля музеев «Интермузей — 2014», заключил Соглашение о сотрудничестве с ведущим этнографическим музеем РФ — Российским этнографическим музеем. Благодаря соглашению музей получает методическую и организационную поддержку, реализует проекты и выстраивает перспективные планы работы. Практика заключения соглашений продолжилась и в дальнейшем.

5 ноября 2015 г. ГБУРК «КЭМ» получил свидетельство о внесении в реестр членов Союза музеев России — №820404, и на основании решения Общего собрания стал членом СМР. К своему 25-летию КЭМ подошел еще с одним весомым результатом — основное здание музея 100 % введено в эксплуатацию, т. е. все помещения музея отреставрированы, хотя помещениям объекта культурного наследия необходим постоянный точечный ремонт.

Несмотря на достигнутые результаты перед музеем стоит и ряд объективных проблем и факторов, решение которых будет отвечать стандартам современной музейной деятельности.

В 2017 г. коллегией Министерства культуры РК рассмотрена Концепция развития музейного дела в Республике Крым на период до 2030 г., утверждена приказом министерства №109 от 28 апреля 2017 г. Развитие КЭМ на ближайшее время нашло отражение в следующих документах — Концепции развития ГБУРК «КЭМ» на 2018-2022 гг. и Плана реализации Концепции развития музейного дела в РК на период до 2030 г. В июле 2017 г. указанные документы отданы на рассмотрение в Министерство культуры РК.

Основные мероприятия развития КЭМ на ближайшую перспективу сформированы в следующие направления:

1. Реализация Концепции сохранности музейных коллекций и безопасности музейных учреждений, всесторонне внедряемой Министерством культуры РК и включающей решение важнейших вопросов — гарантированная физическая охрана; усовершенствование системы сигнализации и видеонаблюдения; оснащение музея системой пожарной сигнализации; приобретение специального оборудования для хранения и экспонирования музейных предметов; оснащение здания системой кондиционирования; проведение работ по реставрации, консервации и апробации музейных предметов; обеспечение учетной деятельности — автоматическая музейная система КАМИС и Государственный каталог музейного фонда РФ.

2. Резэкспозиция основной экспозиции «Мозаика культур Крыма» с дальнейшим увеличением экспозиционных площадей — с 406 м² в настоящее время до 616 м² в будущем. Основная цель резэкспозиции — в новом экспозиционном оборудовании (витрины и модули)

показать коллекции старожильческих народов Крыма и расширить показ традиционно-бытовой культуры русских (сельская и городская культура).

3. Формирование музейной коллекции путем экспедиционных сборов, закупки и дарения. Акция «Подарок музею», организованная в рамках 25-летия, будет продолжена и в последующие годы.

4. Разработка и реализация культурно-образовательных программ Детского этнографического центра, презентация которого пройдет в декабре 2017 г.

5. Развитие межмузейного сотрудничества с музейными учреждениями РФ, в первую очередь, через реализацию выставочных проектов.

6. Развитие информационного пространства КЭМ.

7. Реализация инфраструктурных проектов, в том числе:

7.1. Ремонтно-реставрационные работы помещения музея лит. «Ж» (объект культурного наследия) — здание прачечной. В указанном помещении предусмотрено обустройство фондохранилища.

7.2. Разработка проектно-сметной документации строительства во внутреннем дворе музея Культурно-этнографического центра «Этномир». Эскизный проект разработан в 2016-2017 гг. при методической поддержке РЭМа ООО «Архитектурное бюро «Традиция» (г. Санкт-Петербург).

7.3. Обустройство прилегающей территории к музею — реализация идеи по исторической реставрации улицы между КЭМ и ЦМТ, включение данной площадки в возможный культурно-туристический кластер «Губернский город».

*Ледяева М. В., Газизуллин И. Р.
(Казань)*

Этнография в музее: истоки формирования фондовых коллекций по культуре многонационального Поволжья

Осознание необходимости изучения традиционной культуры народов многонационального Поволжья сформировалось в Казанском Императорском университете к концу 1850-х гг. Казанский край представлял особый интерес для ученых-исследователей, таких как К. Фукс, А. Ф. Риттих, Б. Адлер, Г. Фирстов, М. Лаптев, И. Н. Смирнов, П. Рычков и других, переросший в скором времени в обширный сбор этнографических предметов. Собранные вещи экспонировались в учебных музеях университета и не были в полной мере доступны публике. В Казани назрела необходимость создания Казанского городского музея, открытие которого состоялось в 1895 г.

С первых дней существования музея этнографические предметы поступали в собрание в составе частных коллекций А. Ф. Лихачева, Н. Ф. Высоцкого, В. И. Заусайлова, комплектовались усилиями профессоров и студентов Казанского университета — А. А. Штукенбергом, Т. К. Борисовым, Е. Голомштеком, И. Ивановым. В ноябре 1920 г. по постановлению Коллегии Отдела по делам Музеев и памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению приобретена коллекция Л. О. Сиклера. Одна из крупнейших в Казани коллекция татарских ювелирных украшений впервые представлена публике в Географическом кабинете Казанского Императорского университета в 1912 г. После революции она была закуплена у владельца для музея АРС Азиатика и увезена в Москву. При поддержке И. Э. Грабаря значительная её часть вернулась в Казань.

Этнографические коллекции пополнялись материалами, поступившими из разных учреждений. Первые поступления — экспонаты Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. В 1919 г. пере-

даны коллекции историко-этнографического музея при Казанской Духовной академии, собранные студентами миссионерского отделения в ходе поездок по местному краю и восточной России под руководством профессора Н. Ф. Катанова. Во время гражданской войны музею Академии грозила гибель и им была организована передача коллекций в городскую музей.

Обширные этнографические материалы, собранные в короткие сроки членами Общества археологии, истории и этнографии, Научного общества Востоковедения и сотрудниками Казанского городского музея, а также закупленные правительством Татарии у В. Ф. Смолина и Н. Ф. Высоцкого, поступили в 1920 г. из организованного после объявления Автономной Татарской ССР, а затем ликвидированного Музея народов Востока.

В 1925-26 гг. в музей переданы коллекции Кустарно-промышленного музея при «Селькредпромсоюзе» (изделия кустарных промыслов народов местного края).

Начало систематического комплектования путем экспедиционной работы было положено в 1920-х гг. Первая крупная этнографическая экспедиция проведена музеем в рамках подготовки к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в г. Москве. Под руководством известного ученого-этнографа Н. И. Воробьева собраны богатейшие коллекции, характеризующие традиционный быт и одежду казанских татар. В 1957 г. под руководством сотрудника Музея этнографии народов СССР (г. Ленинград) Т. А. Крюковой с участием Н. Субаева и Р. Каримовой организована этнографическая экспедиция в Дубьязский, Тукаевский и Атнинский районы ТАССР. В 1959 г. И. Б. Муллиной проведен сбор в Азнакаевском и Муслюмовском районах ТАССР, в 1979 г. сотрудником Н. И. Кадыльским — в Буинском районе ТАССР. В 1988-2002 гг. экспедиции под руководством М. К. Завьяловой проводились систематически: 1989 г. — Заказанье (Мамадышский и Арский районы Татарии) и южные районы Удмуртии (Пургинский район), 1990 г. — правобережье р. Волги (Апастовский, Зеленодольский, Буинский, Камско — Устьинский районы РТ и Козловский район Чувашии), 1993 г. — правобережье р. Волги (Камско — Устьинский, Тетюшский, Буинский районы РТ), 1995 — Заказанье (Атнинский район) и Марий Эл, 1997 г. — Мамадышский, Рыбно-Слободской районы, 2001 г. — Звениговский район Марий Эл, 2002 г. — Кукморский район РТ. В рамках создания концепции раздела будущей экспозиции «Культура. Взаимодействие культур народов Татарстана» были проведены исследования и сбор материалов в Спасском районе Татарстана (1992 г.), в Удмуртии (1993 г.), в Черемшанском (1996 г.), в Мензелинском (1997 г.), в Кайбицком

(1998 г.), в Балтасинском и Альметьевском районах (2000 г.). Из этих поездок привезены материалы по казанским, каринским татарам и татарам-кряшанам, русским, чувашам, удмуртам, мордве-каратаям, луговым марийцам, значительно дополнившие этнографические коллекции по поволжским народам.

Сбор предметов, бытовавших среди многонационального населения Среднего Поволжья вплоть до первой трети XX века — основная заслуга музея в деле сохранения и изучения местных народов. Особенно важен сбор этнографического материала в период войны и разрухи (1920-е гг.), которые повлекли бы безвозвратное уничтожение и потерю ценных образцов материальной и духовной культуры. Благодаря активной деятельности музейных сотрудников, сегодня фонды Национального музея Республики Татарстан содержат обширные коллекции по самобытной культуре татар, русских, удмуртов, чуваш, марийцев и мордвы, позволяющие охарактеризовать Татарстан как многонациональный регион.

Ломакина М. А.
(Симферополь)

Эски-Дюрбе в творчестве К. Ф. Богаевского

В ряде музеев Крыма хранятся коллекции акварелей и рисунков архитектурных и архитектурно-археологических памятников полуострова, выполненные художником-пейзажистом конца XIX — первой половины XX вв. К. Ф. Богаевским. Как известно, эти работы были созданы художником по заказу Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (далее — КрымОХРИС).

КрымОХРИС, как основная организация по охране исторических и культурных памятников, образуется в мае 1921 г. Тогда же в уездных городах Крыма — Бахчисарае, Керчи, Феодосии, Севастополе и Ялте, создаются секции КрымОХРИСа. В августе 1921 г. Крымревком передает в ведение КрымОХРИСа «все художественные, исторические и бытовые памятники», и отныне без его распоряжения на полуострове запрещается занятие, использование и перестройка исторических зданий, а также проведение раскопок на памятниках.

Работа КрымОХРИСа в деле сохранения памятников состояла в проведении учета, организации их технического состояния, производстве обмеров, зарисовке, фотографировании, нанесении на планы, ремонте и реставрации, а в итоге — в создании археологической карты полуострова.

Важнейшей частью работы являлась зарисовка памятников старины, необходимая для их реставрации, которая состоялась уже в 60-80-ые гг. XX в. Именно благодаря этим фотографиям и рисункам реставраторы смогли восстановить первоначальный вид многих зданий. Современные исследователи Крыма по этим акварелям изучают не только сами памятники, но и кварталы исторической застройки, восстанавливают самобытный облик отдельных регионов полуострова.

Выбор художника для работы по зарисовке памятников архитектуры был не случаен. Константин Федорович Богаевский родился и

вырос в Феодосии. Образ древнего города с величественной средневековой крепостью, детские воспоминания о степных окрестностях, величественные горы Старого Крыма определили направление всего творчества художника — «киммерийский», то есть древний восточно-крымский пейзаж. Зарождения этого творческого направления началось еще с ранних картин художника.

В 20-е гг. XX в. К. Ф. Богаевским уже были созданы его относящиеся нас к историческому прошлому работы так называемого «гобеленового цикла», графические шедевры 1923 г., где автор проявил умение передать образы средневековых городов и крепостей, исполнить с точностью виды средневековых строений в родной для них окружающей среде, воплотил свою фантазию об истоках цивилизации. Заказ на зарисовку К. Ф. Богаевским архитектурных памятников поступает художнику непосредственно от музеев.

В 1924-1925 гг. Константин Федорович создает по заказу Бахчисарайского музея серию состоящую из более 40 работ, посвященных бахчисарайским памятникам времен Крымского Улуса Золотой орды и Крымского ханства. Все эти работы ныне находятся в фондах ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Две из них посвящены памятнику XIV-XVIII в. Эски-дюрбе.

Эски-дюрбе («Старый мавзолей-дюрбе») расположен в 300 м к востоку от современного Бахчисарайского Ханского дворца. Точная дата его строительства не известна, однако, в любом случае, она укладывается в пределах XIV-XV вв. В плане дюрбе представляет собой куб, завершенный низким восьмигранником, перекрытым куполом; с восточной стороны находится глубокая порталная ниша. Портал арочный, килевидной формы. С юга к мавзолею примыкает открытый дворик, каменная ограда которого украшена арками и прорезана узкими амбразурами. Здание монументально, выдержанно в хороших пропорциях, каменные работы произведены мастерски. Достигнуты точность и чистота квадратной кладки стен, искусно проработаны архитектурные детали. Исследователи полагают, что купол здания, килевидные арки и прямоугольный портал построены в среднеазиатских и сельджукских традициях.

Работы К. Ф. Богаевского по зарисовке памятников архитектуры в настоящий момент приобретают особое значение, так как позднее многие запечатленные им архитектурно-археологические памятники претерпели серьезные изменения и ремонты. Фактически сейчас рисунки и акварели художника превратились в полноценный источник для восстановления аутентичного облика многих поврежденных и, в значительной степени, утраченных памятников.

*Манаев А. Ю.
(Симферополь)*

Христианские храмы Крыма как объекты культурного наследия: современные проблемы охраны и использования

Проблематика изучения различных аспектов религиозной жизни общества сегодня является актуальной темой. Это вызвано, с одной стороны, определенным духовным возрождением после 1991 г., усилением интереса к своей истории, культурным традициям, а, с другой стороны, в силу идеологических причин, многие религиоведческие темы в советский период автоматически становились закрытыми. В этой связи сегодня мы можем наблюдать устойчивый интерес ученых к проблемам функционирования различных направлений религий в СССР и постсоветских независимых государствах.

Отдельное внимание исследователей привлекает проблема охраны и использования христианских культовых сооружений, которые являются памятниками истории и культуры. В частности, интересно проанализировать в контексте темы настоящего доклада современные тенденции в сфере охраны культурного наследия на примере христианских памятников Крыма.

Определяющим моментом для раскрытия и понимания данной темы является изучение взаимоотношений церкви и государства в конкретный исторический период. В специальной работе А. Соколова, посвященной проблемам сохранения культовых сооружений Крыма во второй половине XX в., отмечается, что в период усиления давления государства на религиозные организации многие храмы Крыма находились в аварийном состоянии (например, церкви Иоанна Богослова, Сергия, Георгия в Феодосии), использовались в хозяйственных целях (Покровский собор в Севастополе как городской архив и спортивный клуб), разбирались на строительные материалы (Владимирский собор на территории Херсонесского городища в Севастополе). Естественно, что в таких условиях практи-

чески не проводились реставрационные работы на культовых сооружениях.

Политические и идеологические изменения 1991 г. ознаменовали новую страницу в истории христианских памятников Крыма. Важную роль сыграл правительственный Указ «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества». На основании этого нормативного акта постановлениями Верховной Рады АР Крым религиозным общинам Крыма передавались храмы и сооружения — памятники историко-культурного наследия. Так, Симферопольской общине Свято-Троицкого собора возвращался одноименный собор в г. Симферополе, Симферопольской и Крымской епархии — строение бывших Митрополичьих палат в г. Симферополе. В Феодосии храмы Св. Георгия и Св. Сергия передавались общине Армянской Апостольской церкви, храмы Иверской Божьей матери, Св. Стефана — религиозной общине Иверской Божьей матери Симферопольской и Крымской епархии УПЦ МП. В Алуште храм Федора Стратилата был передан религиозной общине Всех Крымских Святых Симферопольской и Крымской епархии УПЦ МП. В пользование религиозным общинам переданы также монастырь Сурб-Хач в Старом Крыму, храм Иоанна Предтечи в Керчи и т. д.

Передача памятников религиозным общинам предусматривала соблюдение новыми пользователями требований законодательства в сфере охраны культурного наследия, в частности, разработку учетной документации, осуществление ремонтно-реставрационных работ на основании утвержденных проектов. В то же время на практике фиксировались полное или частичное несоблюдение указанных законодательных норм. Неоднократно органами охраны культурного наследия в 1990-х гг. — начале XXI в. фиксировались нарушения на территории подворья Успенского монастыря в г. Бахчисарае. Без какого-либо согласования, по сути, захвачен и фактически уничтожен пещерный комплекс «Южного» монастыря на Мангупе.

В современном мире православная церковь является влиятельной и уважаемой организацией. В этой связи сохранение храмов — памятников истории и культуры, является важным направлением деятельности религиозных общин, которое только укрепит и усилит авторитет церкви в обществе.

Миронова Н. В.
(Симферополь)

Традиционные русские головные уборы конца XIX — начала XX вв. из фондов Крымского этнографического музея

Головной убор в женском русском национальном костюме не является обычным аксессуаром. Это важная и обязательная часть повседневной и праздничной одежды. В настоящей работе представлен анализ основных типов традиционных русских головных уборов замужних женщин конца XIX — начала XX вв. из коллекции Крымского этнографического музея.

Фонды Крымского этнографического музея за последние годы (2016-2017 гг.) пополнились различными типами женских головных уборов конца XIX — начала XX вв. В число новых экспонатов входят восемь головных уборов, которые носили замужние женщины — типов «борушка», «бархатник», «кокошник» (2 экз.), «сорока» (2 экз.), «сборник» и «повойник».

1. Головной убор «борушка» (Кп-8454 Иб-4158). Вологодская губерния, Тарногский район, начало XX в. Представляет собой мягкую шапочку, сшитую из бархата и украшенную крупным цветочным орнаментом желтого и фиолетового цветов. Этот вид головного убора русской замужней женщины близок распространенным на Руси «сборнику» и «повойнику». По сути, это разные названия одного и того же типа шапочки, под которую убирались женские волосы.

2. Головной убор «бархатник» (Кп-8453 Иб-4157). Белгородская губерния, Борисовский уезд, с. Никитское (ранее Курская губерния), конец XIX — начало XX вв. Представлен классический «бархатник» — женский головной убор типа «кокошник», цилиндрической формы на жесткой основе с высоким очельем. Сзади пришиты три обвитых металлизированной нитью шнура — так называемые «батюги». Наш головной убор полностью соответствует классическому образцу.

3. Головной убор — «кокошник» (Кп-8456 Иб-4160). Нижегородская губерния, конец XIX — начало XX вв.

4. Головной убор — «кокошник» (Кп-8457 Иб-4161). Нижегородская губерния, конец XIX — начало XX вв.

Оба «кокошника» представляют собой шапочки с «ушками», украшенными золотошвейной вышивкой. По конструкции выделялись четыре вида кокошников: однорогие, двурогие, сшитые в виде конуса с удлиненной передней частью и кокошники в виде шапочек с высоким очельем и плоским округлым верхом, украшенные золотошвейной вышивкой. Рассматриваемые кокошники относятся к четвертому виду, широко распространенному в северо-западных регионах России.

5. Головной убор «сорока» (Кп-8455 Иб-4159). Курская губерния, Белёвский район, д. Белица, вторая половина XIX в. Состоит из кички и позатыльника.

6. Головной убор «сорока» (Кп-8604 Иб-4305). Воронежская губерния, Бирючинский уезд, с. Подсереднее, конец XIX — начало XX вв. Состоит из трех элементов: позатыльника, кички и собственно «сороки».

В некоторых областях женский головной убор типа «сорока» доходил до 20 элементов и требовал при одевании много времени и кропотливости. «Сорока» зачастую являлась наиболее дорогой частью женского гардероба.

7. Головной убор типа «сборник» или «повойник» (Кп-8466 Иб-4170). Рязанская губерния, конец XIX — начало XX вв.

8. Головной убор типа «повойник» (Кп-8476 Иб-4180). Рязанская губерния, конец XIX — начало XX вв.

Головные уборы типа «повойник» являются более поздним явлением в женском русском костюме и приходит на смену сложным крестьянским головным уборам. Такие чепцы шили из легкой, чаще всего фабричной ткани и назывались «повойниками» или «сборниками». Они появляются приблизительно в 1910-е гг.

Анализ рассмотренных женских головных уборов позволяет сделать следующие выводы:

1. Представленные женские головные уборы являются элементами праздничных костюмов. Такие изделия изготавливались профессиональными мастерицами и стоили очень дорого. Их бережно хранили и передавали по наследству, от матери к дочери.

2. В коллекции Крымского этнографического музея представлены три основных типа русских женских головных уборов:

— типа «кокошник», который порой имел в разных регионах свое название, как, например, «бархатник» (Кп-8453 Иб-4157);

— кичкообразный головной убор. Он был составным, как правило состоял из нижней части рогатой кички, верхней богато украшенной «сороки» и позатыльника. (Кп-8455 Иб-4159, Кп-8604 Иб-4305);

— типа «сборник» или «повойник», который в начале XX в. пришел на смену сложным крестьянским многосоставным головным уборам (Кп-8466 Иб-4170, Кп-8476 Иб-4180).

*Науменко Л. А.
(Симферополь)*

Формирование коллекции Крымского этнографического музея (1992-2017 гг.)

Крымский этнографический музей создан 14 декабря 1992 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров Автономной Республики Крым «О создании Крымского этнографического музея на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея». С этого момента началась история нового учреждения культуры на территории полуострова. Первым успехом коллектива стала организация весной–летом 1993 г. нескольких полевых этнографических экспедиций по сбору предметов старины проживавших в Крыму народов и конфессий. Результаты экспедиций (765 новых музейных экспонатов) презентовала одна из первых самостоятельных выставок музея — «Летний сезон Музея этнографии», открывшаяся осенью 1993 г. в выставочном зале Крымского республиканского краеведческого музея (ныне — Центральный музей Тавриды). К началу 1994 г. фонды музея уже насчитывали 1165 единиц хранения, представлявших культуру и быт 16 народов Крыма.

В настоящее время коллекция музея составляет около 14 тысяч единиц хранения (8600 основного фонда) и представляет материальную и духовную культуры 28 народов, проживающих в Крыму. К самым большим группам по комплектации предметов относятся русские (1439 предметов), украинцы (1383 предмета) и крымские татары (1083 предмета).

Комплектование фондов музея ведется по трем основным направлениям: закупка, экспедиционные сборы и дарения. Основная масса материала собрана в результате дарения частными лицами и общественными организациями.

В 2007 г. Крымский этнографический музей за собственные средства приобрел у симферопольского коллекционера Ю. К. На-

скрипняка коллекцию самоваров и предметов чайной церемонии в количестве 98 предметов. 40 из них составляли самовары. Вместе оказались собранными около ста единиц близких по тематике предметов, являющихся целостным источником по истории русской традиционной культуры конца XIX — начала XX вв. В настоящее время в коллекции музея насчитывается около 70 самоваров и 150 предметов чайной церемонии.

Формирование коллекции костюмов народов Крыма в музее является одним из приоритетных направлений комплектования фондов. В 2015-2017 гг. была закуплена коллекция южнорусских костюмов и головных уборов конца XIX — начала XX вв. в количестве 124 предметов. Эта коллекция заслуживает особое внимание по двум причинам. Во-первых, она включает в себя уникальные образцы ручной работы и приобретается музеем впервые за все время его существования. Во-вторых, данное собрание русской праздничной одежды характеризует, главным образом, южнорусские земли, то есть те территории России, откуда шла планомерная миграция русского населения в Крым на протяжении XIX — начала XX вв.

Интересные предметы поступили в музей в результате экспедиционных сборов и этнографический разведок.

В 90-е гг. XX в. основным направлением сборов музейных предметов были этнографические разведки и экспедиции. Именно в это время была заложена основа будущей коллекции музея.

К 2000 г. коллекция музея уже составляла 2790 предметов основного и 817 научно-вспомогательного фондом и представляла культуру 16 народов Крыма. Та работа, которая была проделана в 90-е гг. XX в. дала возможность в 1999 г. открыть новую экспозицию музея под названием «Мозаика культур Крыма».

В 2001-2003 гг. сотрудниками музея совершены две комплексные экспедиции по изучению русских и немцев в Крыму. В результате этой работы кроме ценного научного материала, который характеризовал различные стороны жизни русского и немецкого населения в Крыму в первой половине XX вв., был собран разнообразный вещественный комплекс в количестве 92 единиц. Все предметы датируются 20-50-ми гг. XX в.

Большая коллекция из 108 предметов украинской культуры поступила в музей из с. Пожарское Симферопольского района в 2011 г. Особую ценность представляет опишненская керамика, вышивка середины XX в. и подлинная повозка-линейка.

В 2009 г. в ходе экспедиции по бывшим немецким колониям в Крыму в с. Маковка Советского района в заброшенном немецком доме обнаружены уникальные немецкие потолочные росписи, не

имеющие аналогов в России. Руководством музея была разработана программа по сохранению и экспонированию этих росписей. Таким образом, сейчас в музее экспонируется 15 потолочных росписей в специальном оборудовании.

Отдельное направление работы Крымского Этнографического музея — сотрудничество с общественными и религиозными организациями, передающими в дар предметы старины. Среди таких организаций необходимо, в первую очередь, отметить Ассоциацию музеев и заповедников Крыма, Симферопольскую и Крымскую епархию, Ассоциация национальных культурных обществ г. Севастополя и практически все ныне действующие на полуострове национально-культурные автономии.

Николаева Н. Н.
(С.-Петербург)

К вопросу о комплектовании музейных коллекций современными памятниками церковного искусства (на примере собрания ГМИР)

Интерес к современному церковному искусству определен спецификой Государственного Музея истории религии (далее — ГМИР), обязанного иметь в собрании новые произведения, отражающие современные процессы в разных религиозных конфессиях. Опыт сотрудничества нашего музея и иконописцев начался в 1990-х гг., когда художники Мстеры копировали произведения известных мстерских мастеров, хранящихся в собрании ГМИР, с целью возродить традиции знаменитой иконописной школы.

Канонизация Русской православной церковью за последний период большого числа новых святых вызвала необходимость создания новых образов. Еще в начале 1980-х гг. музеем были приобретены в мастерских Софрино авторские иконы новоканонизированных святых: Николая Японского, Иннокентия митрополита Московского и Германа Аляскинского. Художественный уровень этих работ отражает начальный этап развития современного иконописания — время освоения традиций и овладения профессиональными навыками.

Приобретение икон в церковных магазинах и мастерских не удовлетворял музейным критериям отбора памятников. Наиболее перспективным оказалось сотрудничество с иконописцами и заказ икон с необходимыми музейю сюжетами. В тех случаях, когда музей интересовал конкретный, уже разработанный вариант иконографии, прибегали к копированию.

Более сложным, но и интересным стал путь участия музейных сотрудников в разработке еще не устоявшейся иконографии новоканонизированных святых. Многие вопросы решались в ходе творческого обсуждения между иконописцами и научными сотрудниками музея. Определяющим являлось внимание к содержательной стороне обра-

за. При выборе житийных клейм учитывались исторические реалии и особенности деятельности святого, соответствующие его житию и отраженные в исторических документах. Постепенно складывались критерии обращения музея к определенным иконописцам и темам.

Особое внимание уделялось вопросам будущего экспонирования икон, обоснования их связи с важными историческими событиями в жизни РПЦ и Российского государства. Процесс совместной работы над созданием образа включал подбор исторического материала, этнографических и архитектурных изображений и иконографических аналогий, который осуществляли сотрудники ГМИР. В вопросах, касающихся материалов и технологий, учитывался опыт работы музейных реставраторов. Изобразительный язык и все формальные моменты решались художниками-иконописцами самостоятельно. Обязательным этапом являлось обсуждение предварительных эскизов.

Вопрос собирания произведений современной иконописи актуален для многих художественных и исторических музеев. Не все музеи решают этот вопрос для себя положительно. Государственный музей истории религии стал одним из первых обладателей пока не большой коллекции памятников современного церковного искусства, куда входят произведения живописи и декоративно-прикладного искусства. За последние годы собрание музея пополнилось современными образцами православного декоративно-прикладного и ювелирного искусства. В их числе, как богослужебные предметы (облачения, церковная утварь и другие), так и предметы «личного благочестия» (натальные крестики, крестильные одежды и другие).

Большой интерес на выставках и в постоянной музейной экспозиции всегда вызывают памятники церковного шитья. Музей неоднократно пополнял свою коллекцию отдельными предметами, изготовленными в современных церковных швейных мастерских. За последние десятилетия музейные фонды регулярно пополнялись и другими предметами религиозного декоративно-прикладного искусства: фарфоровыми и деревянными живописными пасхальными яйцами, паломническими сувенирами. Отдельного внимания заслуживают предметы нумизматики и фалеристики. Результатом сотрудничества музея и Патриархии РПЦ стало пополнение музейного собрания орденами РПЦ.

Состояние современного православного искусства можно охарактеризовать как время осмысления и накопления опыта, время вырабатывания современного художественного языка на основе изучения традиций, приемов, стилей искусства предшествующих столетий. Опыт сотрудничества музея, православных мастеров (иконописцев, ювелиров и других) и религиозных организаций весьма показателен и продуктивен.

*Омельчук Д. В.
(Симферополь)*

Крымские немцы и Советская власть в 20-30-е гг. XX в.

Отношение к Советской власти — одна из наименее исследованных страниц в истории немцев Крыма. Отношение новой власти к немецкому населению при всем обилии публикаций на эту тему тоже не может считаться достаточно изученной. Есть основания утверждать, что в 20 — начале 30-х гг. XX в. в политической линии советской власти одновременно имели место две противоположные тенденции. С одной стороны власть настойчиво стремилась привлечь немцев на свою сторону, вовлечь в советское строительство. Проводимая политика коренизации в полной мере распространялась и на немцев. Создавались немецкие колхозы. Власть не препятствовала, особенно на начальном этапе, связям немцев с родственниками в Германии. В целом положение немцев улучшилось в ходе сближения Советской России и Веймарской республики. Но многие положительные действия перечеркивались самой властью.

Следуя классовому подходу, немецкие крестьянские хозяйства, как отмечалось на первой всекрымской беспартийной немецкой конференции в сентябре 1925 г., рассматривались как кулацкие. Это не удивительно: на фоне остальных они выделялись зажиточностью, лучшим благоустройством; в них было больше техники, выше урожай. Крымские немцы смогли сполна воспользоваться возможностями, которые дала новая экономическая политика, но в конечном итоге экономический успех обернулся социальной ловушкой — политика сдерживания капиталистических элементов вела к различным формам притеснения успешных хозяев, в том числе и тех, которые не применяли наемную рабочую силу. Это проявлялось в лишении избирательных прав (и всем, что за этим следовало), налоговом давлении и т. д. В период свертывания НЭПа и началом коллективизации именно зажиточные немецкие хозяйства массово попали под раскулачива-

ние, а люди — под репрессии (выселение, аресты). Реакцией на это стало массовое эмиграционное движение, охватившей практически все немецкие села.

Органы ОГПУ самым решительным образом пресекали немецкую эмиграцию. К этому времени в этой структуре сложилось стойкое представление о советских немцах, как о «пятой колонне» (хотя сам термин появился позже). Советская контрразведка пристально отслеживала контакты германских представителей в СССР. Еще начиная с деятельности Германского Красного Креста, оказывавшего помощь голодающим, его активисты рассматривались чекистами как потенциальные шпионы. В 1924 г. в недрах ОГПУ появился циркуляр «По германской разведке и борьбе с ней», а в июле 1925 г. — аналитическая записка контрразведывательного отдела ОГПУ.

Подобные документы появились не на пустом месте. Отношение к России еще в кайзеровской Германии было неоднозначным: существовали крайне агрессивные взгляды среди части элиты. Так, профессор Шиман, взглядам которого симпатизировал кайзер Вильгельм II, считал Российскую империю искусственным образованием, представляющим собой конгломерат несовместимых между собой рас и народов, которых лишь царский деспотизм удерживал столь длительное время вместе. Большой вклад в формирование негативного образа России внесли выходцы из прибалтийских провинций — прибалтийские немцы. В немецкой историографии, как утверждает профессор И. Н. Новикова, существует устоявшееся мнение, согласно которому прибалтийские немцы-эмигранты, распространяя враждебные России настроения, оказали негативное воздействие на внешнюю политику Германии, что привело к существенному ухудшению германо-русских отношений накануне Первой мировой войны. Нет оснований считать, что подобные взгляды перестали существовать в период Веймарской республики. Скорее напротив, они подпитывали реваншистские настроения значительной части германского общества.

Вели свою работу и разведорганы Германии. В этом нет ничего удивительного — то же делали и их визави в СССР. Информация об этом обнаружится крайне скупо, даже по прошествии десятилетий. Наверняка какую-то часть немецкого населения Крыма спецслужбы Германии также использовали для сбора сведений. В любом случае информация, поступающая отсюда, собиралась и анализировалась. А была она, по большей части, негативной. Крымские немцы писали родственникам об ущемлениях и разорении в период коллективизации, безхозяйственности в колхозах, о желании выехать на историческую родину, просили материальную помощь. Но писавшие никак не являлись «шпионами». Когда содержание таких писем становилось

известным советским органам безопасности, следовали репрессии против их авторов. Особенно ужесточилось отношение к немецкому населению Крыма после прихода к власти Гитлера. Определенная часть крымских немцев положительно восприняла появление сильного лидера на исторической родине. Высказывания по этому поводу регулярно оказывались в распоряжении НКВД. Эти сведения собирались разными способами: от люстрированных писем в рейх до сообщений агентуры, которой в немецкой среде НКВД имел достаточно. Количество арестованных и осужденных «за пропаганду фашизма» резко возросло.

Уровень взаимного недоверия возрастал. У каждой из сторон были основания для этого. Власти были недовольны степенью лояльности немцев. «Попытка советизации немецкой деревни, принятая в 1920-е гг. и окончившаяся неудачей, должна была только укрепить убеждение сталинского руководства в контрреволюционности «советских» немцев. Наиболее наглядно неудачу концепции «коренизации» в отношении немцев продемонстрировало солидарное сопротивление всех социальных слоев деревни коллективизации в виде попытки массовой миграции. Немецкое население, особенно в сельской местности, тоже имело много причин для недовольства. Экономические и политические репрессии, ограничение контактов с родственниками вне СССР — все это не могло не отразиться на лояльности этой части населения.

Следовательно, к 1937 году обе стороны имели достаточно оснований не доверять друг другу. «Большой террор» в Крыму только резко усилил это недоверие.

*Прохоров Д. А.
(Симферополь)*

Караимская коллекция ГБУ РК «Крымский этнографический музей»¹

Общее число экспонатов караимской коллекции ГБУ РК «Крымский этнографический музей» (далее — КЭМ) составляет более 100 экземпляров, которые представлены фотографиями, документами и материалами, относящимися к истории отдельных караимских семей Симферополя и других городов Крыма. Также в коллекции имеются предметы одежды, быта и декоративные произведения ремесленников, использовавшиеся в повседневной жизни караимских семей конца XIX — середины XX в.

Среди предметов религиозного культа в коллекции следует отметить две сумочки для Библии или молитвенника (Крым, конец XIX в.; КЭМ КП-347, ДП-142; КЭМ КП-348, ДП-143). В фондах музея в основном собраны предметы, относящиеся к быту караимских семей; большинство из них датировано концом XIX — серединой XX вв. Значительную часть составляют артефакты, приобретенные музеем в начале 1990-х гг.; некоторые экземпляры были преданы в дар КЭМ непосредственно членами караимских семей Симферополя и Евпатории. Прежде всего, это предметы обихода, кухонная и столовая утварь. Например, среди экземпляров, собранных в коллекции, имеется традиционная посуда для приготовления и подачи блюд, бытовавшая как в караимских семьях, так и в семьях крымских татар, греков, армян и пр. Это медные кованые сковороды-тазы (*тава*), казаны, большие круглые и квадратные подносы (*сини*), медные тазы (*леген*), кувшины (*гугум*, *куман*), кофеварки (*джезве*) и пр. Большая часть этих предметов изготовлена в Крыму местны-

¹ Публикация выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

ми ремесленниками. Кроме традиционной утвари в караимских семьях использовались бытовые вещи, связанные с достижениями европейской цивилизации. В частности, имеются предметы столовой сервировки: вилка, тарелка, горчичница, кофейник, кофейная чашка и блюдце, ваза для фруктов, различные бытовые принадлежности (шкатулки, визитница, конверт для перчаток, зеркала (настенные и дамские), часы, декоративные керамические скульптуры и т. п.), изготовленные как в России, так и в странах Западной Европы (Австрия, Германия).

С помощью архивных материалов появляется возможность осуществить научную реконструкцию элементов повседневной жизни караимской семьи второй половины XIX — начала XX вв. Например, среди подобных документов имеются ходатайства караимов по возмещению ущерба после Крымской войны, направленные в «Симферопольский уездный комитет, учрежденный для оказания вспоможения жителям уезда, потерпевшим от войны 1853–1856 гг. Главного комитета, учрежденного в г. Одессе для оказания вспоможения жителям, потерпевшим от войны» (1856–1858 гг.). Они представляют интерес не только с исторической, но и с этнографической точки зрения, что позволяет воссоздать реалии быта караимской семьи того времени. Так, в прошении евпаторийского мещанина Ильи Черкеза, поданном на имя таврического губернатора генерал-лейтенанта Г. В. Жуковского 11 декабря 1856 г., имеется список имущества, утраченного во время оккупации неприятелем Евпатории. И. Черкез сообщал, что из его разрушенного дома с пристройками, а также дома, находившегося в имении у д. Голлумбей было похищено: пять кастрюль медных на сумму 25 руб., десять сковород — 15 руб., пять казанов медных и двое весов — 54 руб. 75 коп., три подноса — 3 руб., два мангала — 24 руб., пять тазов — 50 руб., 27 тарелок — 27 руб., три кружки — 6 руб., два самовара с прибором и «погребцом» — 45 руб., пять сундуков — 84 руб. (два из них были из орехового дерева; кроме того, из имения был украден один сундук с хранившимися в нем вещами на сумму 240 руб.), два бочонка с железными обручами — 8 руб., один диван — 15 руб., два стола, один шкаф, двенадцать стульев — 18 руб., шесть графинов — 5 руб., дюжина рюмок — 6 руб., полторы дюжины тарелок английских — 9 руб., восемь ковров — 70 руб., 24 тюфяка и подушки — 60 руб., три шелковых одеяла — 66 руб., пять пальто — 10 руб. Кроме того, было похищено «полсажения» дров, угля на сумму 14 руб. 25 коп., полотна, бумаги и льна — на 12 руб., две четверти пшеницы и одна четверть муки — 22 руб., разных мелочей на 18 руб. и один вексель на сумму 110 руб. И. Черкез также лишился

садового инструмента и прочего инвентаря (железных лопат, бочек, посуды для давления вина), дров, угля, кирпичей, досок, дверей и окон, 200 пудов яблок, сена и муки, находившихся в его опустошенном уже войсками русской армией имении. Общую сумму ущерба И. Черкез оценил в 4075 руб. Таким образом, можно утверждать, что уже к середине XIX в. в караимских семьях бытовали предметы, связанные не только с традиционной культурой, но также и с европейской, и, в частности, русской.

В фондах КЭМ история караимских общин полуострова представлена фотографиями конца XIX — первой половины XX вв. Среди них жанровые, бытовые и семейные фотографические снимки, а также их фотокопии. Имеются фотографии деятелей караимского просвещения, фотоснимки участников национально-культурных объединений 1920-х — 1930-х гг. и пр. Всего же в фондах музея насчитывается более 50 фотографий, отражающих историю караимских общин Крымского полуострова. Некоторые из фотографий уникальны. Так, например, на фотоснимке (КЭМ, КП-3623. Ф. 868; ориентировочно 1920–1925 гг.) запечатлены представители караимской молодежи, члены симферопольского караимского клуба, члены правления Крымского объединения караимских общин (КрымОКО): М. С. Синани (отв. секретарь объединения), И. Минай, Б. Бабаджан, Ф. Майтоп, Д. Авах, М. И. Авах (впоследствии — сотрудник караимского журнала «Бизым Йол» («Наш путь»)). На обороте снимка имеются автографы, по всей видимости, некоторых из присутствовавших на фото. На других портретных фотографиях из коллекции КЭМ запечатлены члены караимских общин Симферополя, Феодосии, Мелитополя, Евпатории. Следует отметить, что 80% всех экспонатов караимской коллекции музея были подарены или переданы жителями Крыма.

Самарина М. С.
(С.-Петербург)

История швейцарских переселенцев в Северное Причерноморье: лингво-идентификационный аспект (презентация проекта)

В 2016 г. на кафедре романской филологии филологического факультета СПбГУ совместно с университетом г. Лозанны (Швейцария) была начата работа над научным проектом «История швейцарских поселенцев в Крыму и Северном Причерноморье: лингво-идентичностный аспект», целью которого являются составление типологии швейцарских диалектов Крыма и Северного Причерноморья (итальянского, французского и немецкого), находящихся в настоящее время под угрозой исчезновения. Для реализации данного проекта необходимо количественное определение жизнеспособности этих языковых сообществ по методике, разработанной ЮНЕСКО, а также определение индекса жизнеспособности языка (индекса угрозы), который соответствует определенным ступеням международной классификации на основе шкалы ЮНЕСКО. Все это, в конечном итоге, позволит оценить перспективы сохранения италийского, немецкоязычного и франкоязычного сообществ и, в зависимости от результатов, определить, возможны ли их сохранение, возрождение либо обычное документирование. Необходимо также отметить, что единственной работой по заявленной теме исследования, опубликованной в 1975 г. на русском языке, является монография академика В. Ф. Шишмарева «Романские поселения на Юге России». Процессы, происходившие в этих языковых сообществах в результате геополитических и социальных изменений современной эпохи совершенно не изучены ни с исторической, ни с социолингвистической точек зрения.

Попытки создать типологию носителей языков, находящихся в опасности, начались еще в 1980-х гг. и показали недостаточность зна-

ний по этой проблеме. Предполагаемая типология должна учитывать многие переменные, как, например, изучение языка в детском возрасте, какие языки носители использовали в прошлом и настоящем, языковое поведение, утрата языка взрослыми носителями, возможность возвращения к использованию языка и т. д. На сегодняшний день, удалось выделить четыре основных типа:

1. Носители, свободно от рождения говорящие на языке (*native fluent speakers*), которые подразделяются на две категории: «старые» носители, монопольные на своем этническом языке, и «молодые» носители, двуязычные, но свободно говорящие на своем этническом языке, который является для них первым языком.

2. Полуносители (*semi-speakers*), у которых доминирующим является не их этнический язык, хотя они почти свободно говорят на нем. Полуносители — это важнейшая категория для языка, находящегося в опасности, потому что, во-первых, они составляют самую многочисленную группу носителей, во-вторых, именно среди них находятся активисты борьбы за документирование языка, его сохранение и возрождение.

3. Последние носители (*terminal speakers*). Этот термин широко употребляется в современных исследованиях. Они являются носителями доминирующего языка, но могут знать отдельные фразы или слова на своем этническом языке.

4. Хранители памяти (*remembers*). К этой категории относятся люди, которые прежде знали язык, но затем, по различным причинам, утратили эти знания.

Жизнеспособность языка, равно как и *опасность*, которой он подвергается, поддаются количественной оценке. ЮНЕСКО составила набор из 9 основных параметров, позволяющих оценивать степень жизнеспособности или угрозы языку, применительно к миноритарным языкам:

1. Трансгенерационная (от поколения к поколению) передача языка.
2. Абсолютное число носителей языка.
3. Процент носителей языка в общей численности населения.
4. Изменение сфер использования языка.
5. Реакция на новые сферы использования и СМИ.
6. Доступность материалов для обучения языку и грамотности.
7. Отношение правительства и институтов к языку, включая его официальный статус и применение.
8. Отношение членов сообщества к родному языку.
9. Тип и качество документации.

Параметры рассматриваются ЮНЕСКО по убыванию значимости. Этот набор параметров позволяет рассчитывать *индекс жизнеспособности языка*, он же *индекс языковой опасности*.

В 1989 г. представители 21 государства провели в Совете Европы дискуссию о жизнеспособности малых языков и разработали для них особую классификацию. Кроме того, существует критерий Дж. Фишмана, разработавшего восьмиступенчатую шкалу, отражающую различные степени нарушения трансгенерационной (от поколения к поколению) передачи языка. Институт лингвистики *SIL International*, владелец сайта *Ethnologue*, оценивает жизнеспособность языков по пятиступенчатой шкале (живой, только второй язык, на пороге вымирания, спящий, вымерший). Позднее появилась *Расширенная шкала нарушений трансгенерационной передачи языков*

Применение перечисленных критериев, используемых международными организациями, к измерению состояния швейцарских диалектов на территории Крыма и Северного Причерноморья позволит определить меры, необходимые для их поддержки, фиксации или музеефикации.

*Саргсян Т. Э.
(Симферополь)*

Предметы декоративно-прикладного искусства крымских армян из коллекции Крымского этнографического музея

Доклад посвящен анализу небольшой коллекции медной посуды крымских армян, приобретенной Крымским этнографическим музеем в 2017 г. у жителей г. Бахчисарая. Часть предметов, очевидно, изготовлена на месте, хотя есть и привозные изделия. Чеканные надписи на армянском языке, сохранившиеся на них, датируются XVIII-XIX вв. Они имеют дарственный характер. Вероятно, предметы были преподнесены на память либо церкви, либо частным лицам. Ниже приведено их краткое описание.

1. Тарелка металлическая. Предположительно, медная, луженая серебром, матовая. Диаметр 27,0 см. На кайме тарелки отчеканена однострочная армянская надпись длиной в 7 см, выполненная заглавными буквами. Она состоит из одного слова — имени ՍԻՄՍԻՈՆ (Симвон). По сторонам надписи — линейный орнамент в виде цифры «8».

2. Таз медный, полированный. Диаметр венчика 22,5 см, диаметр дна 24,5 см. Внешняя поверхность по периметру украшена горизонтальными линиями. На ней также сохранилась однострочная армянская надпись длиной в 36,0 см, выполненная заглавными буквами в технике «сграффито» — 1872: Ս[Դ]Բ[Ո]ՅՆ ԳԻՈԳԱՅ ԵՎԵՂ[ԵՑԻՈՅՆ] ԹԻՈՒՍԻՈՅ (1872 [год]. Церкви Святого Георга в Феодосии). Таким образом, в 1872 г. изделие было преподнесено в дар армянской церкви Святого Георга в г. Феодосия.

3. Тарелка металлическая. Предположительно, медная, луженая серебром, матовая. Ее диаметр 29,0 см, диаметр дна 17,0 см. Кайма тарелки украшена пятью, равномерно отдаленными друг от друга, шестилепестковыми розетками общими размером 4,5 x 5,0 см. Внутри одной из розеток имеется чеканная армянская надпись в три стро-

ки, выполненная заглавными буквами: ՄԱՐՏԻՐՈՍԻ / ՈՐԴԻ ԳԷՈՐԳ / ԵՆ ԹՎ[ԻՆ] ԹՃՀԸ [= 1729] (От сына Мартироса — Георга. Лета 1729).

4. Тарелка медная, полированная, сильно потертая. Ее внешний диаметр 15,0 см, диаметр дна 7,0 см. На кайме с тыльной стороны сохранилась армянская надпись в две строки, выполненная заглавными буквами: ///ՈՍԻ ՈՐԴԻՍ Ծ / ԻՅ[?] ՄՕՎՍԷՍԷ (От сына /// — /// Мовсэса).

5. Тарелка медная, полированная. Ее внешний диаметр 34,0 см, диаметр дна 21,0 см. Кайма тарелки украшена шестью, равномерно отдаленными друг от друга шестилепестковыми розетками общими размерами 6,0 x 5,0 см. Внутри одной розетки — армянская надпись в три строки, выполненная заглавными буквами: Տ[Է]Դ ԱՌԱՔԵԼ / Ի ՈՐԴԻ ԱԻՔՍԷՆ / Տ ԹՎ[ԻՆ] ԹՃԶԳ [= 1734] (Сын тэр Аракела — Оксент. 1734 [год]). Нижняя часть этой розетки украшена стилизованным горным пейзажем, верхняя — трилистником. Внутренние поля остальных розеток стилизованы под надписи.

6. Блюдо медное, круглое, полированное. Диаметр 52,5 см. Бортик низкий. Центральная часть блюда украшена линейными кругами. Внутри, ближе к полям, отчеканена композиция с армянской надписью в пять строк. Она представлена пьедесталом, на котором основано древо жизни. По обе стороны пьедестала размещены растения, напоминающие кипарисы. На их верхушках изображено по одной птице. Еще одна птица изображена на пике древа жизни. Древо стилизовано в виде трилистника с цветочным и растительным орнаментом внутри. Надпись выполнена заглавными буквами: Ի ՎԱՅ / ԵԼՈՒՄՆ ՊԱ / ԼՃԻՕՂԼ ՄԱՐՏ / ԻՐՈՍԻ ՈՐԴԻ ԱՐՈՒ / Թ[Ն]ԻՆ: ԹՄԽԱ [= 1792] (В усладу Арутина — сына Палчиогл Мартироса. Год 1792).

Как известно, начиная с XVII в. в Бахчисарае существовала довольно многолюдная армянская община, которая занимала отдельный район города — «Эрмени мэйли» («Армянская слобода»). Сохранились сведения о трех армянских церквях, действовавших в Бахчисарае в период Крымского ханства. Известны также более десятка армянских рукописных книг, созданных здесь в течение XVII-XVIII вв. Это, в основном, манускрипты богослужебного назначения, гимназии, сборники богословских сочинений.

Армянская община Бахчисарая, хотя и сильно сократившись количественно, просуществовала до конца XIX в. О ней известно немного. Поэтому приобретенные Крымским этнографическим музеем предметы медной посуды существенно дополняют имеющуюся информацию об этом периоде истории бахчисарайских армян.

Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э.
(Симферополь)

Детская гигиена в традиционной культуре средневекового тюркского населения Крыма (о редкой группе красноглиняной керамики из раскопок золотоордынского Солхата)

Этногенез крымских татар неразрывно связан с историей и культурой средневекового тюркского населения Крыма. У тюркских кочевых народов младенец в первые месяцы своей жизни находился в подвешенной колыбели. Колыбель представляла собой низкобортный деревянный ящик. Чтобы ребёнок не вывалился, он всегда лежал в колыбели на спине, туго пристегнутый ремнями. Таким образом, конструкция колыбели и тугая фиксация ребенка не позволяла ему выпасть, даже если колыбель переворачивалась. Так кочевники перевозили детей во время долгих переходов, а на стоянках ребенка «освобождали».

Пелёнок не было, и поэтому вопросы гигиены детей во время передвижения в колыбели являлись актуальными. Для решения этой проблемы в дно колыбели, в специальное отверстие, вставлялся керамический сосуд с широким отогнутым краем, который не позволял сосуду выпасть из отверстия. В научной литературе эта форма сосудов получила название *тувак*. К горшку от тела ребенка была проведена мочевыводная трубка — *сунак* (*сумак*, *суак*). Делали её либо из стекла, либо из полой трубчатой кости, чаще всего, птичьей. По мере заполнения содержимое тувака выливалось.

Обычай этот оказался столь устойчивым, что просуществовал у ряда народов до нашего времени и зафиксирован не только археологами, но и этнографическими данными. Например, в некоторых странах Центральной Азии до сих пор используют такие колыбели-*бешики*, *туваки*, сохранившие ту же форму, но сделанные из пластика, и *сунаки*, выполненные из дерева.

Туваки представляют собой стакановидные неорнаментированные горшки, имеющие отогнутый, почти под прямым углом, широкий венчик и плоское дно. Диаметр дна варьируется от 9,5-11,0 см, толщина стенок сосудов 0,8-0,9 см, высота около 13,0-15,0 см. *Туваки* (*суваки*, *сунаки*) впервые появляются в Средней Азии в IX в., а в XI–XII вв. они известны уже во многих городах Закавказья (Тбилиси, Двин, Орен-Кала).

Сунак, изготовленный в виде стеклянной или костяной трубки являлся неотъемлемой принадлежностью детской люльки и непременно сопровождал *тувак*. Само название *сунак* (тюрк. «кость») указывает на то, что наиболее распространенным материалом для производства трубки была именно кость. *Сунак* представляет собой полую трубку диаметром 1-1,5 см, которая постепенно расширялась и заканчивалась приемником с отверстием овальной формы, расположенным недалеко от края, непосредственно в теле трубки. Таким трубки встречаются на памятниках Средней Азии на протяжении всего периода средневековья, а среди этнографических материалов и в дальнейшем. Среди археологических находок на золотоордынских городищах Поволжья известно 27 фрагментов *сунаков*. Характерно оформление стенок приемника из стекла, который изготавливали, загибая край вовнутрь до его соприкосновения с внутренней поверхностью, так что между ними образовывался зазор. Аналогичный прием изготовления встречается у некоторых типов венчиков и донцов посудного стекла. *Сунаки*, как правило, выдувались из полупрозрачного, темно- и светло-зеленого стекла с небольшим количеством пузырьков воздуха.

По материалам раскопок Солхата, можно выделить два типа *туваков*.

Тип I: Тулово вытянутой овалоидной формы с незначительным расширением в верхней части, горло не выделено, плечи сосуда плавно переходят в отогнутый наружу широкий, практически горизонтальный венчик.

Тип II: Тулово вытянутой овалоидной формы, устье широкое, горло не выделено, отогнутый, почти под прямым углом широкий венчик.

В XV в. эти узко специализированные сосуды еще не получили широкого распространения в Крыму. Связано это, скорее всего, с переходом большей части средневекового кочевого населения к оседлости, вследствие чего такая форма колыбелей и использование *туваков* теряют свою актуальность. Тем не менее, среди этнографических материалов, характеризующих культуру и ремесленное производство крымских татар в конце XIX — начале XX вв. подобные материалы встречаются.

Распространено мнение, что *туваки* предназначались для люлек строго определенного вида, а сама идея туалетного горшка уходит корнями в позднеантичную эпоху. Узкая датировка бытования данного типа сосудов затруднительна. Близкие по форме изделия встречаются среди местной керамики Солхата уже в комплексах и культурных горизонтах конца XIII — середины XIV вв. Наибольшее количество *туваков* при раскопках городища найдено на территории архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека и ремесленного поселения Бокаташ II в округе памятника. Верхняя дата определяется концом третьей — началом последней четверти XV в. В комплексах турецкого периода в истории Солхата преобладают горшки иной формы — с цилиндрическим корпусом, горизонтальным венчиком и одной или двумя ручками, предназначавшиеся, вероятно, не только для маленьких детей. Изредка встречаются и «классические» младенческие экземпляры, отличающиеся от средневековых крымских *туваков* более вытянутыми пропорциями.

Обобщение и систематизация рассматриваемых в докладе археолого-этнографических материалов позволяет лучше узнать традиционную культуру тюркского населения Крыма и выяснить некоторые вопросы, связанные с происхождением и развитием крымскотатарской культуры и этногенезом крымских татар в целом.

Сластникова Л. А.
(С.-Петербург)

Крымскотатарская керамика начала ХХI в.: традиции и новации (общий обзор)

Традиции крымско-татарского керамического производства насчитывает не одно столетие. В XIX — начале XX вв. в Крыму производилась керамика по назначению сугубо утилитарная — строительная керамика (черепица, водопроводные трубы, кирпич), кухонная и столовая посуда, курительные трубки, детские игрушки. Престижной («парадной») посудой в крымскотатарских домах служила поливная керамика, привозившаяся из Османской империи и сопредельных стран. Несмотря на то, что керамические изделия играли большую роль в быту крымских татар, в специальных исследованиях о ремесленном производстве Крыма для рубежа XIX-XX вв. отмечается общее сокращение гончарного ремесленного (домашнего и кустарного) производства в связи с вытеснением его более дешевыми привозными фабричными изделиями.

В 1920-х гг. в Крыму открывается Кустарно-промышленный техникум народов Востока, однако, керамической мастерской при нем так и не появилось. Только в 1930-е гг. в Бахчисарае создается кооперативная артель «Илери» («Вперед»), где обучались будущие керамисты. Продукция художественно-кустарных артелей шла на продажу.

На рубеже XX-XXI вв., после массового возвращения татар в Крым, происходит возрождение керамического производства на полуострове. Сами мастера позиционируют свою деятельность как возрождение народных традиций, хотя и в иной номенклатуре и с иным ассортиментом. Утилитарная по назначению керамика замещается сувенирной продукцией. В настоящем докладе приведен обзор наиболее известных современных крымскотатарских мастеров-керамистов, работающие в Крыму и придерживающиеся традиций гончарного производства крымских татар.

Среди таких мастеров наиболее известен Рустем Скибин. Основные его изделия — керамические орнаментированные глазурованные блюда и тарелки, светильники *кандиль*, фонтаны, декоративные пан-

но, музыкальные инструменты. Мастер работает в стиле полихромной росписи. Одна из известных учениц Скибина — Асие Мушурова, работает в этой же технике.

Из керамистов, являющихся авторами чисто декоративных предметов, но использующих в своем творчестве крымские мотивы, хорошо известна Эльвиза Татарова. Среди ее работ — керамические панно с видами старинных крымских селений и татарскими домами под черепичными крышами, а также композиции, где в глине воплощена традиционная татарская утварь или орнаменты вышивок.

Еще один мастер-керамист — Абдюль Сеит-Аметов. Сосуды, бутылки, чайники его работы приближены к традиционной крымской керамике по цвету, но их форма является результатом поиска новых декоративных решений, при реализации которых утилитарные по назначению предметы утрачивают свою первоначальную функцию, превращаясь в чисто декоративные.

Работы молодого крымского мастера Эльдара Гусенова по форме и лаконичности декора максимально приближены к традиционным образцам крымскотатарской керамики. Его кувшины, заварочные чайники, пиалы, тарелки могут не только служить украшением интерьера, но и пригодны для употребления в быту. В работе он не использует цветную поливу; кроме рельефных напльвов его изделия украшают нанесенные штихелем узоры, которые являются разработкой орнамента крымскотатарских вышивок.

Из крымскотатарских керамистов, работающих в настоящее время в Крыму, следует обязательно назвать Шамиля Ильясова. Его работы — мелкая керамическая скульптура в стиле среднеазиатской народной игрушки и монументальная пластика для интерьеров.

Обзор творчества современных крымскотатарских керамистов показывает, что их произведения являются в основном декоративными предметами интерьера. Поскольку детство многих современных мастеров Крыма, которым сейчас 30-50 лет, прошло в Средней Азии, они не могли не впитать эстетику ее художественных образов, что, в большей или меньшей степени, нашло отражение в их творчестве. Наиболее отчетливо влияние монохромной среднеазиатской керамики проявляется в творчестве Шамиля Ильясова. Рустем Скибин и его последователи предлагают слияние среднеазиатского орнамента и растительных композиций крымскотатарских вышивок. Эльдар Гусенов ставит перед собой задачу возрождения форм традиционной крымскотатарской керамики, ее утилитарности и функциональности.

Несмотря на различие подходов все названные крымскотатарские керамисты выполняют одну общую задачу — своим творчеством сохранять и развивать орнаментальное искусство крымских татар.

*Сухарев М. В.
(Симферополь)*

Этноконфессиональные процессы в постукраинском Крыму

Возвращение Крыма в состав Российского государства весной 2014 г. дало толчок определённым этноконфессиональным процессам, связанным с изменением политического статуса полуострова. В первую очередь это коснулось положения русского населения Крыма. Если в украинском Крыму русские составляли большую часть населения, но титульным этносом являлись украинцы, то теперь русские по праву занимают место главной государствообразующей национальной группы в Республике Крым и Севастополе. В связи с этим с русского языка были сняты все дискриминационные ограничения, введённые Украинским государством, он стал доминирующим языком делопроизводства и рекламы на полуострове, что следует рассматривать как восстановление исторической справедливости.

В более сложных условиях оказались крымчане, идентифицирующие себя с украинской культурой. В российском Крыму украинский перестал быть единственным государственным языком, а в связи с русификацией делопроизводства практическая потребность в нём резко снизилась. Следствием этого стало многократное уменьшение украиноязычного сегмента школьного образования на полуострове. Если в 2013 г. в Автономной Республике Крым украиноязычными были 7 школ, 875 классов, 13589 школьников (6,5 %), то в октябре 2016 г. этот показатель сократился до 28 классов и 371 школьника (0,2 %). Из крымских книжных магазинов практически исчезла литература на украинском языке. В последние два года украинские активисты не имели возможности проводить 9 марта официальные мероприятия в годовщину рождения Т. Шевченко, так как на подобном мероприятии в Симферополе в 2015 г. его участники использовали

запрещённую в Крыму украинскую государственную символику и провозглашали сепаратистские лозунги о необходимости возвращения полуострова в состав Украины. Серьёзные трудности испытывает и Украинский культурный центр в Симферополе. Из-за финансовых проблем в мае 2017 г. он временно приостановил свою деятельность. Вследствие враждебной политики украинских властей в отношении Крыма и РФ существенно снизилось количество крымчан, особенно из смешанных семей, идентифицирующих себя как украинцы. Если в 2001 г. украинцы составляли 24,12 % населения Крымского полуострова, то в рамках крымской переписи, проводившейся в октябре 2014 г., таковыми назвали себя только 15,68 % крымчан.

Трудности переходного периода побуждают крымских украинцев искать новые формы взаимодействия. К примеру, уже функционирует национально-культурная автономия украинцев Симферополя. Её руководитель О. Кравченко уверен, что в ближайшей перспективе подобная автономия охватит всех украинцев Крыма. Условиями стабилизации украинской культурной жизни в российском Крыму являются её деполитизация и общая нормализация российско-украинских отношений.

На Украине и в других зарубежных странах периодически звучат заявления о якобы имеющих место притеснениях крымских татар в российском Крыму. Однако жизненные реалии свидетельствуют об обратном. После Крымской весны на полуострове продолжают функционировать все 15 школ с крымскотатарским языком обучения. Шестнадцатая подобная школа не так давно была введена в эксплуатацию в поселке Фонтаны. Сохранение сети крымскотатарских школ и крымскотатарского театра в постукраинском Крыму на фоне существенного сокращения украиноязычного образования и перепрофилирования украинского театра свидетельствует о значительно большей востребованности на полуострове крымскотатарского языка, нежели украинского, о сугубо административном характере насаждения украинского языка в Крыму властями Украины в период с 1992 по 2013 гг.

После возвращения Крыма в состав России был практически урегулирован вопрос с земельным обеспечением крымских татар. Наряду с другими народностями Крыма на них распространился президентский указ о незаконно репрессированных по национальному признаку лицах. После скандального закрытия сепаратистского телеканала АТР с сентября 2015 г. в Крыму вещает крымскотатарский

телеканал «Миллет». Каждый год 18 мая на республиканском уровне проводятся траурные мероприятия в годовщину депортации крымских татар. На железнодорожной станции Сирень сооружается мемориальный комплекс в память о депортированных. После запрета деятельности в РФ сепаратистской организации «Меджлис крымскотатарского народа» тема депортации 1944 г. перестала использоваться в Крыму в спекулятивных политических целях. В Конституции Республики Крым закреплён государственный статус крымскотатарского языка. При этом власти Украины не оставляют попыток дестабилизировать ситуацию в Крыму путём воздействия в первую очередь на крымских татар.

Крымские национально-культурные общества прошли перерегистрацию в соответствии с российским законодательством. Некоторые из них принимают активное участие в преодолении западных санкций в отношении полуострова. Наибольших успехов в этом плане добились крымские немцы. По состоянию на 6 марта 2017 г. в Республике Крым зарегистрировано 14 региональных национально-культурных автономий.

Изменение государственного статуса Крыма сказалось и на деятельности региональных религиозных организаций. Крупнейшая из них — Крымская епархия Украинской православной церкви (УПЦ) Московского патриархата — осталась составной частью УПЦ, но при этом перерегистрировалась в соответствии с российским законодательством. Московская патриархия отказалась напрямую подчинить Крымскую епархию Русской православной церкви из-за опасений потерять контроль над УПЦ. Не признаваемая в православном мире УПЦ Киевского патриархата лишилась на полуострове нескольких приходов, однако в Симферополе продолжает действовать принадлежащий ей храм Владимира и Ольги, ставший, по сути, духовным центром украинских сепаратистов, не желающих признавать российскую принадлежность Крыма.

Практически все священники Украинской греко-католической церкви за последние три года покинули Крым. При этом на полуострове продолжают беспрепятственно функционировать римско-католические приходы. Под патронатом В. В. Путина началось строительство крымской соборной мечети. На территории полуострова свободно действует более 1000 мечетей. В сравнении с украинским периодом власти ужесточили борьбу с радикальными мусульманскими группировками, в частности, в Крыму была запрещена деятельность организации «Хизб ут-Тахрир».

*Таратухина Е. Е.
(Симферополь)*

**Знаки счастливой судьбы
на женских рубашках Воронежской губернии
конца XIX — начала XX вв.
(по материалам коллекции
ГБУ РК «Крымский этнографический музей»)**

В 2016-2017 гг. Крымский Этнографический музей приобрел небольшую коллекцию женских рубашек конца XIX — начала XX вв., происходящей из Воронежской губернии России (всего 9 экз.). Настоящая работа посвящена анализу содержания некоторых орнаментальных мотивов и символов, содержащихся на них.

Вышивку изделий отличает графическая четкость в исполнении мельчайших деталей орнамента, выполненного черной нитью и органично соединенного с белым фоном. Техника исполнения вышивки — лицевая счетная *гладь*, для работы использованы фабричные тонкие шерстяные нитки (*шлёнка*), наиболее выгодно подчеркивающие узор изделий. Орнаменты, как защитные знаки расположены на *оплечьях* (часть — на *полице*, другие — на рукаве), вокруг прорези от шеи до груди, на воротнике-стойке, то есть, в тех местах, через которые, по представлениям наших предков, злые силы могли проникнуть к телу человека.

Анализ вышивки позволяет сделать вывод о том, что четыре рубашки нашей коллекции праздничные, принадлежали молодым женщинам, одна была перешита из мужской и являлась повседневной.

Вышивка представляет собой многоярусную композицию, каждый элемент которой имел свое традиционное название, общее для большинства сел региона. Наиболее часто встречаются в вышивках наших сорочек узоры под названием «*арепой*», «*четверть белокося*», «гребенки», «мужички и бабочки», «шишечки», «лапы» в виде кустика и колосьев. Орнаменты дополнены полосами коклюшечно-

го кружева — *ферботом* и *мережкой-ляховкой*. Используемые в вышивке рубах мотивы геометрического орнамента можно разделить на несколько типов — солярные знаки и кресты, символы плодородия и богатства, знаки водной стихии, обереги, знаки гармонизации и единения.

Ромбовидные фигуры с отростками и точками в середине под названием «*ареной*», «шишечки», «лягушка» у древних славян считались универсальными символами плодородия, деторождения, женского начала в природе. Происхождение символа связывают с представлениями об участке земли в виде квадрата, вспаханного и засеянного, дающего урожай. Поскольку плодородие земли и женщины были неразрывно связаны между собой, этот символ стал универсальным. Точка в центре ромбов означала именно зачатие (засеянность поля), то, что может родить и является источником благополучия и изобилия.

Ромб — «репей» (или «малая решётка») с продленными по углам сторонами и с отмеченной серединой, символизировали сруб, огороженное пространство с очагом либо алтарем — местом обитания предков, и обеспечивали защиту от непознанных сил.

Ромбы в изображениях часто сопровождаются крестами, которые считались символами солнечной стихии, с ними была связана идея процветания, удачи, поэтому практиковалось многократное воспроизведение креста с целью усиления и увеличения благополучия. Крестовый орнамент в вышивке использовался в качестве оберега. Крест также рассматривается как символ взаимодействия мужского и женского начал, как примитивная модель Мирового Древа. Косой крест олицетворял мягкое творческое начало, сотрудничество и гармонию.

Узоры под названием «четверть белокоса», «во всю гребенку» имеют в своем изображении несколько сходных элементов — треугольники и зигзагообразные линии. Треугольник является счастливым знаком, символизирующим в различных мифологических системах плодоносящую силу земли, брак, обеспеченность.

Что касается зигзагообразных линий, то они, как и волнообразные, связаны со стихией воды, у которой несколько сакральных аспектов. Она дает жизнь всему живому, несет в себе смысл очищения и обновления, выступает как символ течения времени, жизни. Изображение знаков воды давало женщине защиту этой стихии, плодородие, здоровье, гибкость и гармоничное течение жизни.

Глубокую сакральность несут в себе узоры под названием «мужички и бабочки». Во-первых, это один из символов единения мужского и женского начал. Во-вторых, фигурка в виде кустика не что иное, как упрощенное изображение Берегини, Рожаницы, дающей плодородие,

защиту и благополучие. Миниатюрные, сильно схематичные женские фигуры изображены целыми строчками в виде орнаментальной полосы. «Пророшенность» изображения богини тут объясняется ее слиянием с Древом жизни, являющегося осью мироздания, символом процветания Рода, духовного развития и мудрости.

Собственно с Древом жизни можно связать и узоры под названием «гребенки» и «лапы» в виде колосков или елочек. Но здесь проявляется еще один аспект. В славянской традиции сосна и ель были связаны с бессмертием, верой и магией, символом обращения к богам.

В настоящее время вышивка воспринимается как декоративный элемент одежды, но даже в этом контексте она несет информацию о назначении рубахи, степени достатка, возрасте, социальном статусе, этнической и региональной принадлежности владелицы костюма.

Храпунов Н. И.
(Симферополь)

**О влиянии стереотипов
на этнографические описания:
сюжет о лености крымских татар
в записках иностранцев
конца XVIII — начала XIX в.¹**

Описания народов Крыма, составленные после его присоединения к России в 1783 г., считаются важнейшим источником для изучения этнографии полуострова. В это время многочисленные путешественники, прибывшие в Крым в качестве исследователей, дипломатов, шпионов, искателей приключений или с образовательными целями считали необходимым рассказать об образе жизни, нравах, быте, costume, кухне и других особенностях местных жителей, казавшихся им экзотическими и потому интересными для потенциального читателя. К этим описаниям зачастую относятся некритически. Характерный пример — использование выполненных путешественниками рисунков для реконструкции национальных костюмов без учета авторских целей, техники и особенностей восприятия действительности. В текстуальных этнографических описаниях велика доля топосов и стереотипов, порожденных европейской культурой и мировоззрением. Так, исламские требования к костюму, жилищу и поведению женщин европейские путешественники воспринимали как показатель чрезмерной ревности их мужей. Одним из популярнейших стереотипов было представление о свойственной крымским татарам праздности, который и будет проанализирован в докладе. Заметим, что современные исследователи предпочитают не упоминать о нем, по-видимому, из ложной политкорректности.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825» № 15-31-10112.

В этнографических описаниях эпохи, когда еще не были выработаны базовые принципы современной науки, эмпирические данные переосмысливались под влиянием культурного багажа автора и стоявших перед ним литературных задач. Крым представлялся пограничьем между Западом и Востоком, причем европейцы, как правило, смотрели на представителей Азии с позиции превосходства. В большинстве случаев путешественники предпочитали видеть в Крыму, о чем прежде читали в книгах. Для авторов сентиментальных повествований крымские реалии становились лишь фоном для демонстрации собственных мыслей и чувств. Разумеется, каждому писателю были свойственны индивидуальные особенности. Но все вместе записки иностранцев о Крыме имеют ряд общих черт и потому они и формировали общественное мнение. Таким образом, актуальной задачей является выявление стереотипов в этнографических описаниях, что позволит точнее представить особенности крымского населения, а также осознать влияние образов Крыма на действия государственных властей и отдельных лиц, например, помещиков и предпринимателей.

В сочинениях о Крыме конца XVIII — первой половины XIX вв. часты рассуждения о том, что крымские татары не любят и не умеют трудиться, предпочитая проводить время в праздности и неге. Речь шла, как правило, о жителях юго-западной и южной частей полуострова, то есть региона, который в общественном сознании ассоциировался со всем Крымом, вытеснив память о северных степях. Подобного рода наблюдения встречаются у Ш.-Ж. де Линя и П.-Б. фон Кампенаузена, П.-С. Палласа и Э.-Д. Кларка, Ж. Рёйи и Р. Хебера, М. Хоулдернесс и Дж. Уэбстера, то есть и в работах, предназначенных для печати, и в конфиденциальных дневниках. Иногда им пытались найти рациональное объяснение — например, в том, что богатая крымская природа, способная прокормить людей практически без их участия, делала крестьянский труд бессмысленным (Дж. Уэбстер). По-видимому, такие обвинения могли основываться на реальных случаях (М. Хоулдернесс), из которых делали универсальные выводы в традициях философии Просвещения.

Монтескье считал леность свойством южных народов, живущих в окружении щедро плодоносящей природы, в отличие от вынужденно трудолюбивых северян. Руссо же писал о «естественном человеке» — неиспорченном цивилизацией дикаре, ведущим привольную жизнь на лоне природы и довольствовавшимся минимумом материальных благ. Крым, поначалу воспринимавшийся как экзотическая страна с ярко выраженным «восточным» колоритом, очевидно, представлялся местом, где можно было отыскать подтверждение идеям философов Просвещения. Заметим и обычное для европейцев стремление под-

черкнуть «детскость» жителей экзотических стран, чтобы тем самым сделать «благородной» миссию их цивилизаторов, приносивших, в частности, передовые хозяйственные технологии.

Для западноевропейского сознания леность стала универсальным маркером «Другого». Ее приписывали жителям азиатского Востока, а оттуда переносили на «окраины цивилизации» — например, в Грецию или Малороссию. Эти представления усвоила и русская культура. Потому нетрудно обнаружить сходство между описаниями праздных жителей Крыма, и тем, как русские путешественники говорили о населении украинского Поднепровья или Балкан. Это доказывает, что подобные умозаключения в большинстве своем объяснялись стереотипами. Нежелание крымских татар заводить ориентированное на поставки во внутренние регионы России хозяйство объяснялось причинами, ускользавшими от внимания путешественников — отсутствием развитой системы коммуникаций, торговых складов, кредита, нормально функционирующих портов и пр. Показательно, что авторы, рассматривающие проекты развития экономики Крыма, скептически относились к сообщениям о праздности местного населения (Р. Хебер, Ж. Рёйи).

Представления о праздности крымского населения привело некоторых авторов к мысли о необходимости его «замены» на более трудолюбивых хозяев (Э. Крейвен, П.-С. Паллас). К.-Г. Нассау-Зиген хотел использовать в Крыму колонистов — молдавских крестьян под руководством польских старост. Ш. де Линь решил населить свои крымские поместья английскими каторжниками и «скитающимися по Лондону арапами». А. Янг приглашал в свое имение крестьян-арендаторов из Великобритании. Показательно, что все эти проекты провалились.

В отличие от западноевропейского, в российском обществе, лучше знакомом с крымскими реалиями, возникли противоположные мнения. Будущий император Николай I противопоставил татар работающим русским и малороссийским переселенцам, а назначенный им впоследствии шефом жандармов А. Х. Бенкендорф назвал позорной ситуацией, когда Крым покинули трудолюбивые крымские татары и некогда цветущий полуостров превратился в пустыню. О «татарской лености» писали обосновавшиеся в Крыму российские помещики, причем это обстоятельство могло быть вызвано другими по сравнению со словами иностранцев причинами. По наблюдениям Д. В. Конкина, данный мотив использовали как риторический прием в условиях острых земельных конфликтов между приезжими помещиками и местными жителями, начавшихся после присоединения Крыма к России, эмиграции населения и масштабных земельных раздач.

В середине — второй половине XIX в. представление о лености крымского населения оставалось общепризнанным, отразившись в таких разных описаниях полуострова, как, например, записки П. де Баранта, Э. Нилсен, Е. Л. Маркова и М. Б. Чистякова. Проанализированный сюжет еще раз подводит нас к той простой мысли, что записки путешественников о Крыме нельзя использовать в историко-этнографических исследованиях без должной критики источника, ведь в каждом документе такого рода объективная реальность скрыта под слоем стереотипов и «дефектов описания».

Черняева Е.
(Евпатория)

Популяризация этнокультурного наследия Северо-Западного Крыма в работе Евпаторийского краеведческого музея

Популяризация этнокультурного наследия Крыма и г. Евпатории является одним из важных направлений деятельности Евпаторийского краеведческого музея. На протяжении всего своего существования музей постоянно проводит работу по сохранению, изучению и экспонированию предметов материальной и духовной культуры различных этносов проживавших и ныне населяющих северо-западную часть Крымского полуострова.

Созданный в 1921 г. Евпаторийский краеведческий музей имеет богатую этнографическую коллекцию. До 1925 г. музей носил название археолого-этнографического, в котором функционировали пять отделов, из них два этнографических — караимский и татарско-ногайский. Известный краевед и этнограф Полина Яковлевна Чепурина, будучи заведующей Евпаторийским музеем в 1923-1928 гг., специально занималась сбором и изучением крымско-татарского орнамента, выступала с публичными лекциями и докладами по этой теме в Крыму, Москве и Харькове, поддерживала связи с Музеем этнографии народов СССР (г. Ленинград), Российским обществом по изучению Крыма (РОПИК), являясь сама членом Евпаторийского отделения РОПИК.

В 1980-е гг. в план научно-исследовательской работы музея вновь включены проблемы этнографического изучения населения Евпатории и ее округи. В 1989 г. была открыта этнографическая экспозиция музея. В ней нашли отражение памятники материальной и духовной культуры караимов, крымских татар, русских и украинцев — документы и старые фотографии, предметы быта, одежда и вышивка.

В 1990-е гг. — начале 2000-х гг. научно-исследовательская и собирательская работа музея, направленная на пополнение его эт-

нографической коллекции была продолжена. В результате, в 2002 г. открывается новый раздел экспозиции, посвященный крымчакам, где представлены документы, фотографии, личные вещи крымчаков — жителей Евпатории.

Ежегодно в музее создаются выставки, посвященные народам, проживающим в Евпатории. При их создании используются не только материалы музея, но и личные коллекции членов национально-культурных автономий. Так, в 2016 г. в залах музея были проведены дни греческой, крымчакской, немецкой культур, в рамках которых открыты художественные и этнографические выставки.

Большое внимание в музее уделяется массово-просветительной работе, направленной на популяризацию историко-культурного и этнокультурного наследия народов края. Еще в 1995 г. на базе музея и по его инициативе был создан Общественный совет по работе с национальными общинами и национальными культурно-просветительскими обществами города. Целью его работы явилась координация деятельности национальных обществ на принципах толерантности и этнического согласия, популяризация истории, культуры, быта, традиций, национальных праздников и обрядов народов Евпатории. Деятельность Совета способствовала активизации работы с национально-культурными обществами, пополнению фондов музея, разнообразию форм массовой работы, охватывающей различные категории населения — подрастающее поколение, студентов, пенсионеров, военнослужащих срочной службы.

С 1996 г., ежегодно, 10 августа в музее традиционно отмечается Международный день коренных народов. К участию в массовых мероприятиях активно привлекаются представители национально-культурных автономий города — немцев, греков, караимов, крымчаков, крымских татар, русских, болгар, армян. С начала 2000-х гг., с целью разнообразить культурно-массовую работу, музей впервые стал проводить фестивали национальных культур народов, живущих в Евпатории и в Крыму с целью популяризации культурного наследия народов полуострова. Позднее, на их основе, при поддержке городских властей, начал проводиться открытый фестиваль национальных культур и традиций народов Крыма «Гезлев къапусы».

Ежегодно к различным памятным датам в истории России и Крыма — ко Дню крещения Руси, ко Дню семьи, любви и верности, ко Дням отца, матери, в новгородные и рождественские дни, в музее проводятся мероприятия, задачей которых является пропаганда традиций народов Крыма и их духовной культуры.

В целях совершенствования и систематизации работы музея по популяризации историко-культурного наследия народов Крыма в

2016 г. сотрудниками краеведческого музея была разработана программа «В семье единой», направленная на формирование культуры межнационального общения у подрастающего поколения. Программа охватывает все направления работы музея, определяет тематику научно-исследовательской работы, план научного комплектования, экспозиционную и массово-просветительскую работу. В основу всех мероприятий положены идеи единства и дружбы народов, межнационального согласия, патриотизма.

*Шаврова Н. А.
(Симферополь)*

**Женские пояса Рязанской губернии
конца XIX — начала XX вв.
из коллекции Крымского этнографического музея**

В фондах Крымского этнографического музея насчитывается 35 русских женских поясов — широких и узких, с украшениями и без них, изготовленных из шерсти, плетенных и тканых, из Белгородской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Курской, Пензенской, Рязанской и Тамбовской губерний России.

Данные экспонаты поступили в результате закупки коллекции русских костюмов в 2016–2017 гг. за счет бюджетных средств, выделенных Министерством культуры Республики Крым. Некоторые пояса приобретены в составе костюма. Однако большая часть включает пояса, поступившие как самостоятельный элемент одежды.

В данной работе предполагается рассмотреть коллекцию женских русских поясов Рязанской губернии, относящихся к концу XIX — началу XX вв. и дать ее общую характеристику.

Коллекция насчитывает 13 женских шерстяных поясов (7 тканых, 5 вязаных иглой и 1 плетеный). В качестве украшений используется разноцветный бисер и блески. Яркая цветовая гамма рязанских поясов, с использованием красного, кораллового, терракотового, бордового, зеленого, фиолетового и желтого цветов.

Пояс является важной частью русского традиционного костюма, который выполнял множество функций — практическую, защитную, символическую, магическую, знаковую, эстетическую. Тканый пояс, который имел вид полосы, ленты, символизируя дорогу — жизненный путь.

Издавна у русских в быту и обрядах поясу придавалось большое значение. Пояс, надетый на ребенка при рождении или крещении, как и крест, был оберегом, который могли носить, не снимая, всю жизнь. Человек носил два пояса: данный при крещении (под оде-

ждой), и второй — поверх одежды. В данном случае, главным был скрываемый под одеждой пояс-оберег. Особую значимость имели пояса в свадебном обряде. В Рязанской губернии, например, когда свадебный поезд был готов к отъезду, дружка возвращался в избу специально за кушаком, чем подчеркивалось его особое значение. Пояс присутствовал и в похоронном обряде. Использовался он также в гаданиях, любовной магии.

Большинство предметов коллекции нашего музея представляют собой праздничные пояса, которые в Рязанской губернии имели особое название — «ясный» пояс.

Праздничные (ясные) пояса отличаются от будничных яркостью расцветки и украшениями. Пояса для молодых женщин и девушек делали более нарядными, на концах украшая кистями. Примером такого пояса является рязанский пояс (КП-8290, ИБ-4060), к концам которого пришиты кисти из ярко-розовых, зеленых, бежевых и черных нитей.

Кисти, украшающие рязанские пояса, достаточно разнообразны. Среди них тяжелые подвески — декоративные детали из цветного бисера, оплетенные разноцветными нитями. В коллекции пять поясов (КП-8292, ИБ — 4062, КП-8293, ИБ — 4063, КП-8294, ИБ — 4064, КП-8295, ИБ — 4065, КП-8288, ИБ — 4058) украшены подобным образом.

В собрании музея имеются пояса, украшенные ткаными узорами, которые располагаются по всему полю пояса. Это геометрические изображения — самый древний орнамент, связанный с символами солнца, земли, воды, хорошего урожая, благополучия, здоровья. Каждый орнамент — это своеобразный оберег, защищающий его владелицу.

На поясах часто присутствуют такие элементы геометрического орнамента как ромбы с крючками («ромб-лягушка»), а также ромбы и кресты, как на рязанском поясе (КП-8287, ИБ-4057), выполненном из нитей малинового, зеленого, бежевого и черного цветов.

Ромбу придавалось магическое свойство. Ромбы, круги, криволинейные свастики имели значение амулетов. Такие знаки и символы можно увидеть на поясах (КП-8285, ИБ-4055, КП-8289, ИБ-4059) из представленной коллекции.

Несомненно, самыми распространенными были символы, которые несли счастье. Орпей (или Арпей) один из них. Такое название гребенчатый ромб получил в Рязанской области.

Орпей в сочетании с «ромбом-лягушкой» — символом женского начала и плодородия, представленные на рязанском поясе (КП-8291, ИБ-4061) являются мощнейшим оберегом и талисманом для женщины.

Культ оленя был распространен очень широко. «Оленьи рога» — знак удачного брака, знак обильной жизни, плодородия. Подобные

геометрические узоры изображены на трех поясах (КП-8465, ИБ-4169, КП-8284, ИБ-4054, КП-8286, ИБ-4056) из собрания музея.

Коллекция рязанских поясов в собрании Крымского этнографического музея невелика, однако дает достаточно полное представление о видовом и цветовом многообразии поясов в рязанском женском костюме. Каждый пояс интересен и как элемент одежды, и как атрибут обрядов. Символика и орнаментальные мотивы, яркие цвета и краски рязанского пояса отличают его от поясов других русских губерний.

*Элоиза Р. Г.
(Флоренция, Италия)*

Крымские итальянцы: документы, этапы миграции и поселения

Д. И. Багалеи в 1889 г. сообщает об итальянцах на юге Российской империи: «... что же касается романской колонизации, то она была ничтожна: одно селение Швейцарцев на Днестровском Лимане, горсть итальянцев, несколько французских коммерсантов ... вот и все». Для автора, «ничтожность» романского населения Новороссии в конце XIX в. определяло относительно маленькое количество их представителей здесь. Однако, вопрос количества в нашем случае не может оправдать научное безразличие по отношению к группе, составляющей важный фрагмент этнографической картины Крыма и прилегающих территорий.

Действительно, именно эта горсть итальянских колонистов может являться одним из ключевых связующих звеньев между югом России и Крымом и югом Италии, а, точнее, между Керчью и апулийскими портовыми городками Трани и Бишелье, откуда предки сегодняшних крымских итальянцев приехали в 70-е гг. XIX в. Итальянская эмиграция и активность итальянцев в южной России в это последующее время остаются слабо изученными.

В предлагаемом докладе мы сосредоточим свое внимание на керченской группе итальянцев — единственной среди многих, которые появились на берегах Черного и Азовского морей еще в XIX в. и до сегодняшнего дня проживающих здесь. Будет рассмотрен исторический контекст и возможные связи между апулийскими мигрантами и Керчью. Среди отдельных исторических сюжетов следует отметить эпизод вызова апулийских колонистов в Новороссию в 1765 г.; политический и затем коммерческий альянс между Российской империей и Королевством Двух Сицилий, который привел к неформальной и неофициальной поддержке Российского флота Неаполем во время Крымской войны 1854-1856 гг.; торговля пшеницей апулийской

семьи Павончелли в Крыму и в других портах Азовского моря; кризис в регионе Бари после объединения Италии, который привел к миграции южноитальянского населения в район Керчи.

Вторая часть доклада будет посвящена источникам по ранней истории миграции итальянцев в Крым, которыми хранятся в Государственном архиве Республики Крым и в муниципальных архивах Трани и Бишелье (регион Бари). Ценность этих материалов особенно важна для изучения быта, повседневности и семейных контактов между керченской группы апулийцев накануне событий 1917 г. и в последующее время, вплоть до начала Второй Мировой войны, когда общественный статус крымских итальянцев серьезно изменился.

Содержание

<i>Абдураманова С. Н.</i> Крымскотатарское полотенце кыбырыз: по материалам коллекции Бахчисарайского дворца-музея ...3
<i>Абдураманова Ш. А.</i> О ткачестве как составной части традиционно-бытовой культуры крымских татар 5
<i>Алпашкина О. Н.</i> Предметы утвари Ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: особенности и история комплектования 6
<i>Баранова Е. М.</i> Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея в 2009-2016 гг. 8
<i>Вибе П. П.</i> Изучение истории и культуры российских немцев в Омском государственном историко-краеведческом музее 10
<i>Вивтоненко А. А.</i> Культовые предметы западных христиан в Крыму: краткий обзор коллекции Крымского этнографического музея 13

<i>Гайворонская О. Б.</i> Коллекция рождественских открыток из собрания Крымского этнографического музея 15
<i>Герасименко Е. Е.</i> Репрезентации наследия Шелкового пути в проектах Российского этнографического музея 18
<i>Герцен А. Г., Науменко В. Е.</i> К дискуссии о ранней этнической истории крымских караимов: археологический аспект 21
<i>Гогунская Т. А.</i> Отклик полиэтничного населения Крыма на начало Первой мировой войны 24
<i>Демидович В. В.</i> Культурно-образовательные программы как один из видов деятельности Крымского этнографического музея 27
<i>Джемилева С. М.</i> Думбелек — старинный музыкальный инструмент крымских татар (по материалам коллекции ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия») 29
<i>Дмитриев В. А.</i> Кавказские и понтийские элементы в культуре черноморских адыгов 31
<i>Евсеев А. А.</i> Население Феодосии в конце XIX — начале XX вв. 34

<i>Ельяшевич В. А.</i> Этническая карта Симферополя по материалам переписи 1920 г.: караимы	36
<i>Кашовская Н. В.</i> О фамильной ономастике караимов (по материалам эпиграфики)	37
<i>Керимова А.Т.</i> Историография изучения крымскотатарской свадьбы	40
<i>Киселёва Н. В.</i> Современная межнациональная ситуация в Республике Крым: по опросам общественного мнения	43
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Крымские татары в этнических процессах межвоенного периода в Крымской АССР (20-30-е гг. XX в.)	46
<i>Конкин Д. В.</i> Проблемы налогообложения крымских татар в контексте работы Таврического Комитета (1819 г.)	49
<i>Коскова А. С.</i> Сообщество итальянцев Крыма «С.Е.Р.К.И.О.»: период возрождения итальянской диаспоры	51
<i>Лантев Ю. Н.</i> КЭМ. 25 лет. Итоги и перспективы развития	53

<i>Ледяева М. В., Газизуллин И. Р.</i> Этнография в музее: истоки формирования фондовых коллекций по культуре многонационального Поволжья	57
<i>Ломакина М. А.</i> Эски-Дюрбе в творчестве К. Ф. Богаевского	60
<i>Манаев А. Ю.</i> Христианские храмы Крыма как объекты культурного наследия: современные проблемы охраны и использования	62
<i>Миронова Н. В.</i> Традиционные русские головные уборы конца XIX — начала XX вв. из фондов Крымского этнографического музея	64
<i>Науменко Л. А.</i> Формирование коллекции Крымского этнографического музея (1992-2017 гг.)	67
<i>Николаева Н. Н.</i> К вопросу о комплектовании музейных коллекций современными памятниками церковного искусства (на примере собрания ГМИР)	70
<i>Омельчук Д. В.</i> Крымские немцы и Советская власть в 20-30-е гг. XX в.	72
<i>Прохоров Д. А.</i> Караимская коллекция ГБУ РК «Крымский этнографический музей»	75

<i>Самарина М. С.</i> История швейцарских переселенцев в Северное Причерноморье: лингво-идентификационный аспект (презентация проекта)	78
<i>Саргсян Т. Э.</i> Предметы декоративно-прикладного искусства крымских армян из коллекции Крымского этнографического музея	81
<i>Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э.</i> Детская гигиена в традиционной культуре средневекового тюркского населения Крыма (о редкой группе красноглиняной керамики из раскопок золотоордынского Солхата)	83
<i>Сластникова Л. А.</i> Крымскотатарская керамика начала XXI в.: традиции и новации (общий обзор)	86
<i>Сухарев М. В.</i> Этноконфессиональные процессы в постукраинском Крыму	88
<i>Таратухина Е. Е.</i> Знаки счастливой судьбы на женских рубахах Воронежской губернии конца XIX — начала XX вв. (по материалам коллекции ГБУ РК «Крымский этнографический музей»)	91

<i>Храпунов Н. И.</i> О влиянии стереотипов на этнографические описания: сюжет о лености крымских татар в записках иностранцев конца XVIII — начала XIX в.	94
<i>Черняева Е. В.</i> Популяризация этнокультурного наследия Северо-Западного Крыма в работе Евпаторийского краеведческого музея	98
<i>Шаврова Н. А.</i> Женские пояса Рязанской губернии конца XIX — начала XX вв. из коллекции Крымского этнографического музея	101
<i>Элоиза Р. Г.</i> Крымские итальянцы: документы, этапы миграции и поселения	104

IV Международная
научно-практическая конференция,
посвященная 25-летию
Крымского этнографического музея

**ЭТНОГРАФИЯ КРЫМА XIX — XXI ВВ.
И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

28-30 сентября 2017 года

Тезисы докладов

Вёрстка *А. В. Климашинок*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать 19.09.2017
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 6,51
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, +7 978 021-92-80
E-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Гальцовой Н. А.
г. Симферополь, ул. Парковая, 7, к. 908
E-mail: s-press@list.ru
Тел: +7 978 781-38-81